

ЧАРЛЬЗ СТРОСС

ДЖЕННИФЕР МОРГ

Мастера магического реализма (АСТ)

Чарльз Стросс
Дженнифер Морг

«Издательство АСТ»

2006

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Стросс Ч.

Дженнифер Морг / Ч. Стросс — «Издательство АСТ»,
2006 — (Мастера магического реализма (АСТ))

ISBN 978-5-17-115503-2

Его зовут Говард. Боб Говард. Он – программист и время от времени полевой агент в Прачечной, подразделении Секретной службы Ее Величества по борьбе с оккультными угрозами. На этот раз его отправляют на побережье Карибского моря. Говард должен проникнуть на яхту миллиардера, который хочет поднять подлодку, затонувшую в этом районе много лет назад. На ней когда-то пытались установить контакт с миром мертвых, но вместо этого экипаж привлек к себе внимание зловещей подводной расы, которая и прекратила эксперимент самым радикальным способом. Теперь древние вновь обратили внимание на людей, и Говарду нужно предотвратить глобальный катаклизм. Правда, есть одна проблема: когда в напарниках у тебя суккуб, а за каждое действие ты несешь личную финансовую ответственность, спасти мир очень непросто.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-115503-2

© Стросс Ч., 2006
© Издательство АСТ, 2006

Содержание

Благодарности	6
Пролог: Дженнифер	7
1: Рамона Рандом	13
2: Улетая в Данвич	25
3: Запутались по уши	34
4: Теперь ты в бизнес-классе	48
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Чарльз Стросс Дженнифер Морг

**Charles Stross
THE JENNIFER MORGUE**

Copyright © 2006 by Charles Stross
© Ефрем Лихтенштейн, перевод, 2020
© Василий Половцев, иллюстрация, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Благодарности

Ни одна книга не пишется в пустоте, и эта – не исключение.

Я бы хотел поблагодарить моих издателей, Марти Гальперна из «Golden Gryphon» и Джинджье Букэнан из «Асе», а также моего агента, Кейтлин Бласделл, – все они помогли этой книге появиться на свет.

Еще я хотел бы поблагодарить сотни своих бета-ридеров – без всякого порядка: Саймона Брэдшоу, Дэна Риттера, Николаса Уайта, Элизабет Бир, Брукса Мозеса, Майка Скотта, Джека Фойя, Луну Блэк, Гарри Пейна, Андреса Блэка, Маркуса Роуланда, Кена Маклауда, Питера Холло, Эндрю Уилсона, Стефана Пирсона, Гэвина Инглиса, Джейка Дейтона, Джона Скальци, Энтони Квирка, Джейн Макки, Ханну Райаниеми, Эндрю Фергюсона, Мартина Пейджа, Роберта Снеддона и Стива Стерлинга.

Также я хочу сказать спасибо Хью Хэнкоку, который благородно помог мне продраťся через канон Бондианы.

Пролог: Дженнифер

25 августа 1975 года, координаты 165°W, 30°N.

Ребята из группы А и группы Б уже пять недель сидят на попе ровно посреди океана. И не только они: еще вся команда от капитана до последнего помощника кока и агенты из ЦРУ. Но остальным хоть иногда находилось какое-то дело.

Команде нужно заниматься судном – нечестивым неповоротливым чудищем: 66 000 тонн разведывательного корабля для добычи полезных ископаемых в глубоководных районах, на постройку которого ушли четыреста миллионов долларов и семь лет. Ребята из ЦРУ подозрительно косятся на русский траулер, который болтается где-то на горизонте. А техасские бурильщики уже несколько дней не покладая рук трудятся на гидростабилизированной платформе, складывая одну за другой шестифутовые стальные трубы в бурильную штангу и спуская ее в глубины Тихого океана.

Но вот группам А и Б несколько недель было совершенно нечем заняться – разве что смазывать и проверять огромную махину, которая покачивалась в шахте посреди корабля, а потом нервно бить баклуши, пока бур спускал ее в непроглядную тьму.

А теперь, когда «Клементина» почти достигла цели, приближается шторм.

– Хреновая погода, – ворчит Милгрэм.

– За выражениями следи, – бросает педант Дюк. – Ничего страшного...

Милгрэм расправляет бумагу – последнюю сводку из метеоцентра на палубе С, где Стэн и Гилмер склонились над зелеными экранами радаров и телексом из Сан-Диего.

– По прогнозам, в ближайшие сорок восемь часов будет девять баллов. Вероятность – от шестидесяти и выше. Это слишком, Дюк. Колеса не удержат нас на месте и при шести. Потеряем штангу.

Юнец по имени Стив подходит ближе:

– В Шпик-Сити уже сообщили?

Ребята из Лэнгли засели в трейлере на палубе Е за герметичным люком. Все ее теперь называют Шпик-Сити.

– Не-а, – беспечно качает головой Дюк. – Во-первых, ничего еще не произошло. Во-вторых, мы всего в сорока фатамах от точки ноль.

Он щелкает пальцами в сторону нескольких любопытных голов, которые повернулись в его сторону от экранов камер:

– Давайте, парни! За работу!

«Клементина» – гигантский, более 200 футов в длину, захват на конце бурильной штанги – весит около 3000 тонн. Громоздкий подъемник выкрашен в серый: это помогает противостоять коррозии. По бокам торчат по пять стальных ножек, и это делает его издали похожим на скелет омара. Или скорее на гигантский капкан, который медленно опускается в глубину рундука Дейви Джонса, чтобы схватить и поднять нечто со дна моря.

Дюк царствует в инженерном отсеке, сидя на своем троне в центре помещения. Одна стена завешана инструментами, с другой стороны – иллюминаторы с видом на шахту в центре корабля. Через дверь в этой стене можно выйти на металлический мостик в пятидесяти футах над шахтой.

Здесь, в инженерном отсеке, шум гидравлических стабилизаторов не такой оглушительный: просто механический скрежет и дрожь, которую все чувствуют через подошвы ботинок, зато убийственный грохот приглушен до терпимого уровня. Буровая вышка у них над головой спускает бесконечную череду труб в центр шахты со скоростью шесть футов в минуту – день за днем. Стив пытается не смотреть в иллюминатор на трубы, потому что этот процесс оказывает

гипнотический эффект: они уже много часов мерно уходят в воду, спуская захват к самому дну океана.

Судно намного больше, чем захват, который болтается под ним на конце пятикилометровой стальной трубы, но во всем зависит от него. Эта труба – громадный маятник, и пока захват медленно опускается среди глубоководных течений, кораблю приходится отчаянно маневрировать, чтобы оставаться над ним. Высокие купола на мостике впитывают данные с флотских спутников и передают их автоматической системе стабилизации, которая управляет кормовыми и носовыми двигателями и цилиндрическими компенсаторами, на которых держится подъемник. На поверхности корабль кажется спокойным, будто лебедь, но под водой неистово борется с течениями.

Всё: вложенные четыреста миллионов, десять лет секретных операций Компании – зависит от того, что произойдет в ближайшие несколько часов. Когда захват достигнет дна.

Стив снова поворачивается к экрану. Очередное чудо техники: база захвата оснащена камерами и прожекторами, вакуумными трубками, способными работать в бездонных глубинах. Но его камера сбоит, по экрану волнами пробегают помехи: давление, многие тонны на квадратный дюйм, ломает водонепроницаемые кабели, по которым идут питание и сигнал.

– Вот дерьмо, – ворчит он. – Так мы ее никогда не увидим, если только...

Он замолкает. Из-за соседнего стола поднимается Норм и указывает на что-то на своем экране. На другом конце комнаты раздаются возбужденные возгласы. Стив шурится, глядя на свой экран, и среди помех видит прямоугольную тень.

– Матерь Божья...

Под потолком трещит громкоговоритель:

– Команде «Клементины»: К-129 на экранах два и пять, расстояние примерно пятьдесят футов, направление два-два-пять. Полная готовность, точная подстройка двигателей.

Свершилось – они нашли то, что искали.

В Шпик-Сити атмосфера напряженная, но триумфальная.

– Есть! – объявляет Купер и самодовольно ухмыляется остроносому бритту, который сидит в своем мятом костюме и курит «Кэмел» без фильтра, чем открыто нарушает корабельные правила пожарной безопасности. – Мы это сделали!

– Поживем – увидим, – бормочет бритт, тушит сигарету и качает головой. – Добраться до места – это только полдела.

Мерф обиженно косится на него:

– Ты чего?

– Вы взяли за объект, который находится глубже тысячи метров, что является грубым нарушением четвертой статьи, – сообщает бритт. – Я нахожусь здесь как нейтральный наблюдатель в соответствии с частью второй...

– Да в задницу тебя с твоим нейтралитетом, тебе просто завидно, потому что вашим парням не хватило духу отстоять свои права...

Купер становится между ними, прежде чем опять вспыхнет ссора:

– Успокойтесь. Мерф, свяжись с мостиком, нужно проверить, не заинтересовались ли нами коммуны. Они заметят, что мы перестали опускать штангу. Джеймс...

Он замолкает. Морщится. Кличка бритта совершенно прозрачна, а для агента ЦРУ даже оскорбительна. Купер в который раз думает: «Зачем он так назвался?»

– Давай-ка прогуляемся к шахте и посмотрим, что они нашли.

– Хорошо, – говорит бритт и встает, разгибается, как проволочный жук, в своем неладно сшитом сером костюме; щека у него подергивается, но выражение лица ледяное. – После вас.

Они выходят из отсека, и Купер закрывает дверь. Судно «Гломар Эксплорер» огромное – больше ударного авианосца, больше даже линкора класса «Айова», – но трапы и переходы здесь представляют собой тесный серый лабиринт, увитый разноцветными трубами и патрубками, удачно расположенными точно на такой высоте, чтобы было удобно биться головой и лодыжками. Качки нет, но корабль слегка дрожит, поскольку его удерживают на месте двигатели SKS (новая технология, на нее ушла значительная часть денег, потраченных на постройку судна).

Они спускаются на шесть пролетов, проходят по другому коридору и минуют переборку, а потом Купер видит люк, ведущий в шахту на уровне пятидесятифутовых мостков. И, как обычно, у него перехватывает дыхание. Шахта внутри корабля около 200 футов в длину и 75 в ширину, внизу – спокойная черная вода в окружении лесов и кранов подъемника. Гигантские стыковочные стойки полностью вытянуты под водой по обе стороны колодца. Штанга пронзает сердце шахты как черное стальное копьё, направленное ко дну океана. Автоматический трубный ключ и система управления штангой замолкли: захват достиг цели. Скоро, если все пойдет хорошо, подъемник начнет вытягивать штангу, старательно разбирая сотни труб и складывая их на палубу корабля, пока наконец «Клементина» – известная также как подводная буровая установка ГБД-1 – не вынырнет из холодных вод, крепко сжимая найденное сокровище. Но пока что в шахте царит мир и покой, а поверхность воды портят только маслянистые пятна.

Инженерный отсек, наоборот, гудит точно улей, так что никто не замечает, как Купер и британский шпион входят и глядят на экран через плечо главного оператора.

– Десять влево, шесть вверх, – говорит кто-то.

– Похоже на люк, – замечает другой.

На экране плывут странные серые тени.

– Свет направьте сюда...

Все на миг замолкают.

– Плохо дело, – говорит один из инженеров, жилистый парень из Нью-Мексико, которого, как кажется Куперу, зовут Норм. На большом центральном экране видна плоскость, выступающая из серой трясины донных наслоений. В ней чернеет прямоугольный провал, а из цилиндра, который лежит поперек него, торчит что-то белое. Цилиндр похож на рукав. Вдруг Купер понимает, что видит: открытый люк в обшивке подводной лодки, из которого наполовину высушен скелет мертвого матроса.

– Видно, бедолаги попытались уйти вплавь, когда поняли, что торпедный отсек затопило, – говорит голос из глубины комнаты.

Купер оглядывается. Это Дейвис, который даже в гражданском все равно умудряется выглядеть как морской офицер.

– Наверное, это и спасло корпус: выходной люк уже был открыт; когда лодка опустилась ниже расчетной глубины, она была полностью затоплена.

Глядя на экран, Купер ежится. «Почти Флеба», – думает он и пытается выудить из памяти остальные стихотворные строчки.

– А что с ударными повреждениями? – деловито спрашивает Дюк. – Мне нужно понять, получится у нас что-то или нет.

Снова суета. Камера резко поворачивается, чтобы показать всю длину субмарины проекта 629А. Вода на такой глубине очень чистая, и прожектора безжалостно выхватывают обломки – от распахнутого люка в башне до громадной прорехи в корпусе со стороны торпедного отсека. Подлодка лежит на боку, будто отдыхает, и непривычный глаз Купера не видит в ней особых повреждений. Перед башней темнеет открытый люк побольше.

– А это что? – спрашивает он, указывая пальцем.

– Похоже, вторая пусковая шахта открыта, – отвечает Стив.

Лодки проекта 629А стратегические, они оснащены баллистическими ракетами, но это ранняя модель, дизель-электрическая. Она несла только три ядерные ракеты, а перед запуском ей нужно было всплыть.

– Надеюсь, она не вертелась, пока шла на дно: если птичка вывалилась, она могла приземлиться где угодно.

– Где угодно... – повторяет Купер и моргает.

– Ладно, давайте ее прихватим! – приказывает Дюк, который, видимо, пришел к собственным выводам в отношении находки. – Приближается шторм, давайте ее поднимать!

На следующие полчаса отсек превращается в сумасшедший дом: инженеры и операторы склоняются над своими панелями и бубнят что-то в микрофоны. Никто из них такого прежде не делал – то есть не выводил захват весом в три тысячи тонн на позицию над затопленной подлодкой на глубине трех миль под угрозой приближающегося шторма. Моряки на советском шпионском траулере на горизонте, кажется, сумели убедить своих кураторов в Москве, что они опять перепились антифриза, рассказывая про диковинные капиталистические устройства, которые пытаются украсть затопленную красную подлодку.

Напряжение в отсеке растет. Купер смотрит через плечо Стиву, а парень отчаянно крутит ручку управления, волшебным образом удерживая в пределах обзора камер огромный механический захват, чтобы операторы смогли расположить его клешни рядом с корпусом. Наконец – пора.

– Готовность спустить пресс-цилиндры, – объявляет Дюк.

– Спускаем.

Десять баллонов на захвате выпускают серебристые потоки пузырьков: поршоны входят в пазы под давлением столба воды высотой в три мили, так что клешни плотно обхватывают корпус подлодки. Они взрывают придонные отложения, и на некоторое время экраны застилает сероватое облако. Стрелки приборов медленно вращаются, показывая положение клешней.

– На четных два-шесть и нечетных один-семь полный порядок. Частично на девятой и восьмой, ничего на десятой.

Воздух звенит от напряжения. Семь зажимов обхватили корпус подлодки на совесть, еще два, кажется, вот-вот выпустят добычу. Последний, судя по всему, не сработал. Дюк смотрит на Купера:

– Ваше слово.

– Сможете ее поднять? – спрашивает Купер.

– Думаю, да, – сосредоточенно отвечает Дюк. – Посмотрим, когда вытащим ее из грязи.

– Давай сходим наверх, – предлагает Купер, и Дюк кивает.

Капитан может сказать да или нет, и его слово – последнее. Это его корабль пострадает в случае неправильного решения. Через пять минут они получают ответ.

– Поднимайте, – говорит капитан не терпящим возражений тоном. – Мы здесь именно за этим.

Он поднялся на мостик из-за приближающегося шторма и близости других кораблей – на горизонте только что возник второй русский траулер, но решимости его это не поколебало.

– Ладно, за работу.

Через пять минут легкая дрожь покрывает рябью поверхность воды на дне колодца. «Клементина» сбросила балласт, раскидав по дну океана около подводной лодки тысячи тонн свинца. На камерах виден только серый морок. Затем за иллюминатором инженерного отсека приходит в движение подъемник, а буровая штанга медленно движется вверх.

– Двигатели на полный! – ревет Дюк.

Штанга поднимается из ледяных глубин все быстрее и быстрее, с нее потоком стекает вода.

– Что на тензометрах?

Данные с измерителей на огромных клешнях высвечиваются на панели зелеными цифрами: каждая клешня держит около 500 тонн подлодки, не считая воды в ней. Снаружи слышен громкий механический визг, потом пол подается под ногами, и приходит вибрация, которую Купер чувствует через подошвы своих оксфордов, – буровая команда запустила машины на полную, поскольку вес захвата вырос. Судно, которое в один миг получило дополнительно тысячи тонн груза, уходит глубже в воды Тихого океана.

– Теперь доволен? – спрашивает Купер, оборачиваясь, чтобы ухмыльнуться бритту, который, будто чего-то ожидая, пристально смотрит на один из экранов. – Да?

– Еще немного времени у нас есть, – говорит остроносый англичанин.

– Немного времени...

– Пока мы не узнаем, получилось у вас или нет.

– Ты обкурился, мужик? Ясное дело, что все у нас получилось!

С верхней палубы материализовался, как бостонский призрак ирландца, Мерф, который теперь решил сорваться на бритта (а тот как раз настолько похож на выпускника английской частной школы, что просто просится в жертвы Кровавого воскресенья, не говоря уж о том, что от него на милю разит госслужбой).

– Смотрите! Подлодка! Подводный захват! Поднимается со скоростью шесть футов в минуту! И после рекламной паузы в одиннадцать смотрите фильм! – издевательским тоном цедит Мерф. – Что комми могут сделать, чтобы нас остановить? Начать Третью мировую? Да они даже не знают, что мы тут делаем, – они место, где их лодка затонула, знают с точностью плюс-минус двести миль!

– Меня беспокоят не коммунисты, – говорит бритт и косится на Купера. – А вас?..

– Я думаю, – неуверенно качает головой тот, – у нас все получится. Подлодка цела, повреждений нет, а у нас...

– Вот черт, – говорит Стив.

Он указывает на изображение с центральной камеры в навигационном блоке захвата, направленной на серо-коричневое дно, укрытое теперь неторопливыми клубами марева, которое подняли за собой подводная лодка и сброшенный балласт. Оно бы уже должно медленно оседать обратно на подводные дюны. Но в глубине что-то движется, с неестественной скоростью извивается в воде. Купер смотрит на экран.

– Что за...

– Позвольте напомнить вам четвертую статью договора, – говорит бритт. – Запрещается под угрозой уничтожения сооружение любых конструкций постоянного или временного свойства на глубине ниже километра относительно уровня моря. Запрещается перемещать любые конструкции с глубоководной равнины – под той же угрозой. Мы нарушаем: по закону они имеют право делать все, что пожелают.

– Но мы же только забираем мусор...

– Вероятно, им так не кажется.

Тонкие ростки, чуть более темные, чем серый фон, поднимаются из мутной мглы неподалеку от места, где лежала К-129. Они покачиваются и дрожат, как гигантские ламинарии, но они куда толще водорослей – и целеустремленнее. Будто слепой слон ощупывает коробку хоботом. Есть что-то жуткое в том, как они выпрыскиваются из отверстий на дне, поднимаются рывками, словно они в большей степени жидкость, чем твердое вещество.

– Дьявол, – шепчет Купер и бьет правым кулаком в раскрытую левую ладонь. – Дьявол!

– Следи за выражениями, – включается Дюк. – Барри, как быстро мы можем ее поднять? Стив, попробуй навестись на эти штуки. Я хочу замерить их скорость.

Барри энергично мотает головой:

– Из подъемника больше не выжать, босс. Снаружи уже четыре балла, а у нас слишком большой вес. Можем довести, наверное, до десяти футов в минуту, но, если жать дальше, можем разорвать штангу и потерять «Клементину».

Купер вздрагивает. Захват все равно всплывет, даже если порвется штанга, но вынести его может куда угодно. Например, прямо под киль судна, которое не предназначено к тому, чтобы его таранили снизу три тысячи тонн железа, которые мчатся из глубин со скоростью в двадцать узлов.

– Так рисковать нельзя, – решает Дюк. – Продолжай поднимать с текущей скоростью.

Следующий час они молча наблюдают, как захват поднимается со дна, продолжая сжимать бесценный краденый груз.

Слепые ростки тянутся из глубин – прямо к линзе нижней камеры, через которую на них с тревогой смотрят инженеры и шпионы. Захват уже поднялся на четыреста футов над океанским дном, но вместо плоской серой равнины внизу возник зловещий лес цепких щупалец. Они быстро вытягиваются, тянутся к украденной подлодке.

– Стабилизацию, – приказывает Дюк. – Дьявол! Я сказал, держать стабилизацию!

Весь корабль дрожит, вибрация в палубе такая, что зубы стучат, перегруженный металл уже не скрипит, а визжит. В инженерном отсеке стоит острый запах горячей смазки. На платформе с цепных барабанов сыплются сорванные головки болтов, а шестидесятифутовые трубы уже просто летят в кучу, вместо того чтобы аккуратно укладываться, – это явный признак отчаяния, потому что они изготовлены из специального сплава и стоят по шестьдесят тысяч долларов за штуку. Штангу вытягивают почти вдвое быстрее, чем опускали, вода в шахте пенится и бурлит от потоков, которые льются с холодных труб. Но никто сейчас не может сказать, успеют ли они вытащить захват на поверхность прежде, чем его нагонят серые щупальца.

– Четвертая статья, – сухо говорит бритт.

– Сука, – шипит Купер, не сводя глаз с экрана. – Она наша!

– Они, кажется, не согласны. Хотите с ними поспорить?

– Бросить парочку глубинных бомб... – бормочет Купер, тоскливо глядя на буровую штангу.

– Они тебя отымеют, сынок, – резко перебивает англичанин. – Не ты первый об этом подумал. Там в иле столько газового гидрата метана, что хватит на прадедушку всех пузырей, который пойдет точно нам под киль и затянет на дно, как мошку в рот жабе.

– Я знаю, – мотает головой Купер.

Столько труда! Это возмутительно, унижительно, невыносимо – будто видишь, как запускаемая на Луну ракета взрывается прямо на старте.

– Но... Сукины дети. – Он снова бьет себя по ладони. – Она должна быть нашей!

– Мы уже взаимодействовали с ними в прошлом, пока все не пошло коту под хвост. На Ведьминой Яме, в договорной зоне в Данвиче. Вы могли нас спросить. – Британский агент складывает руки на груди. – Могли спросить хоть у своего разведуправления ВМС. Но нет. Вам же нужно было проявить инициативу и смекалку!

– Твою мать. Вы бы нам сказали даже не попробовать. А так...

– А так вы учитесь на своих ошибках.

– Твою мать.

Захвату оставалось три тысячи футов до поверхности, когда щупальца наконец его нагнали.

Остальное, как говорится, удел истории.

1: Рамона Рандом

Если достаточно долго работаешь в Прачечной, в конце концов привыкаешь к мелким унижениям, проверкам перерасхода скрепок, омерзительному кофе в столовой и бесконечной, неизбежной бюрократии. Твое эстетическое чувство отмирает, и ты уже не замечаешь потрескавшейся салатовой краски и тошнотворно-бежевых перегородок между офисными кабинками. Но вот великие унижения всегда приходят внезапно, они-то и могут тебя погубить.

Я уже почти пять лет работаю в Прачечной и временами погружаюсь в умудренный цинизм, «плавали, знаем» – обычно именно в эти моменты на меня бросают что-то унижительное, постыдное или опасное. И хорошо, если не все три пункта сразу.

– Вы мне предлагаете ехать... на этом?! – взвизгиваю я, обращаясь к женщине за столом в конторе по прокату автомобилей.

– Сэр, эта квитанция выдана вашим работодателем, в ней указано...

Она брюнетка: высокая, худая, вежливая и очень немецкая, как школьная училка, так что сразу хочется проверить, вдруг у тебя ширинка расстегнута.

– Вот – Смарт Форту. С... с компрессором. Очень хорошая машина. Если хотите, можно заменить с доплатой.

Заменить. На «Мерседес SI90», за... всего-то двести евро в день. Просто обалденно – если бы только не за мой счет.

– Как отсюда доехать до Дармштадта? – спрашиваю я, пытаюсь как-то спасти положение.

(Чертов отдел логистики. Чертовы бюджетные авиарейсы, которые никогда не летят туда, куда тебе нужно. Чертова погода. Чертово совещание в Германии. Чертова «экономия бюджетных средств».) Женщина снова пугает меня идеальной работой своего дантиста:

– Я бы поехала на поезде «Интерсити». Но ваша квитанция возврату не подлежит, – говорит она и вежливо указывает на бумажку: – А теперь, пожалуйста, посмотрите в камеру, нужно пройти биометрическую регистрацию.

Через пятнадцать минут я уже скорчился за рулем двухместной машинки такого размера, что ее, наверное, можно было бы засунуть сюрпризом в пакет кукурузных хлопьев. Смарт – неимоверно очаровательная и юркая малютка, выдает примерно семьдесят миль на галлон бензина и потому является идеальным вариантом, чтобы шнырять по городу. Только я не собираюсь шнырять по городу. Я еду по автобану со скоростью около ста пятидесяти километров в час, а в спину мне какой-то шутник стреляет из пушки «мерседесами» и «порше». А я сижу за рулем разогнанной детской коляски. Я даже включил противотуманки в надежде, что это убедит других водителей не превращать меня в украшение на капоте, но реактивная струя от каждой обгоняющей меня менеджерской колесницы того и гляди сбросит нас со смартом в кювет. И это все без учета сербских дальнобойщиков, ошалевших от счастья ехать по дороге, которую не разбомбили, а потом не починили по самой дешевой цене.

Когда я не сжимаюсь в комок от холодного ужаса, я тихо ругаюсь себе под нос. Это все Энглтон виноват! Это он меня послал на это дурацкое заседание объединенного комитета, так что с него и спрос. Следом за его гипотетической и явно мифологической родней до седьмого колена я витиевато проклиная дурацкую погоду, дурацкий учебный график Мо и все остальное, что мне приходит в голову. Это позволяет чем-то занять тот клочок мозга, который не волнует сейчас непосредственно обеспечение моего выживания, – всего лишь крохотный клочок, потому что, когда тебе приходится ехать на смарте по трассе, где скорость всех остальных проще описать числом Маха, приходится быть очень внимательным.

Спустя примерно две трети пути до Дармштадта движение становится потише, и я позволяю себе с облегчением вздохнуть. Это ошибка: передышка короткая. Вот я еду по вроде бы пустой дороге, покачиваюсь из стороны в сторону на городской подвеске смарта, а у меня

под ягодицами надрывается моторчик размером с фен – а вот вдруг вся приборная панель у меня сверкает, как фотовспышка.

Я дергаюсь так, что чуть не пробиваю головой тонкую пластиковую крышу. Сзади пахнулись очи Преисподней – два прожектора, ослепительных, будто посадочные огни заблудившегося Боинга-747. Кто бы ни сидел за рулем, он явно вдавил тормоз так, что колодки наверняка дымятся. Я слышу рев, а потом плоский спортивный «ауди» вихляет и пролетает мимо так близко, что чуть не задевает меня боком. Блондинка за рулем гневно машет мне рукой. По крайней мере мне кажется, что это блондинка. Уверенности нет, потому что все вокруг серое, сердце у меня норовит выскочить из груди, а сам я отчаянно цепляюсь за руль, чтобы мой пластиковый скейт не перевернулся. Миг спустя она уже скрылась впереди, вернувшись на правую полосу передо мной и врубив форсаж. Клянусь, я вижу, как алые искры летят из двух могучих выхлопных труб, прежде чем она растворяется вдаль, захватив с собой примерно десять лет моей жизни.

– Сучка тупая! – ору я и так сильно стучу по рулю, что смарт начинает тревожно заносить, и я в ужасе сбрасываю скорость до 140. – Тупая овца на «ауди», мозги твои вафельные...

Я замечаю знак «ДАРМШТАДТ – 20 КМ», как раз когда что-то – наверное, «Старфайтер» на бреющем полете – обходит меня слева. Через десять бесконечно долгих минут я уже зажат между двух здоровых фур на окружной дороге Дармштадта, сижу задницей в луже холодного пота, а волосы у меня стоят дыбом. В следующий раз сяду на поезд, и к черту логистику.

Дармштадт – один из тех немецких городов, которые сравнила с землей авиация союзников, перекроила Красная армия, а потом отстроили по плану Маршалла американцы. Он прекрасно демонстрирует, что а) иногда выгодней проиграть войну, чем выиграть, и б) некоторые из худших преступлений против человечности совершают молодые архитекторы. В наши дни то, что осталось от строгих бетонных конструкций пятидесятых, покрылось мхом и патиной, а худшие крайности необрутализма шестидесятых – стеклом и ярко раскрашенной сталью, которые самым чудовищным образом не сочетаются со старым рейнским пряником.

Это мог бы быть любой безликий город в ЕС, чуть более новый и менее ветхий, чем его ровесник из США, но выглядит он почему-то робким и стеснительным. Скрыги из конторы все-таки раскошелились на встроенный навигатор (роскошь, конечно, но лучше так, чем позволить мне жечь казенный бензин и заблудиться), так что, ускользнув с Дороги Смерти, я еду на автопилоте, потный и обмякший от животного облегчения – я выжил! я живой! А потом я оказываюсь уже на отдельной парковке между «тойотой» и ярко-красной «Ауди ТТ».

– Твою ж мать.

Я снова луплю ладонями по рулю, скорее от гнева, чем от ужаса, поскольку именно сейчас скоростная смерть мне не грозит.

Я присматриваюсь: да, та же модель, тот же цвет.

Уверенности, конечно, нет (ведьма летела так быстро, что доплеровское смещение помешало мне заметить номера), но нутром чую – это она: мир тесен. Я качаю головой и выползаю из смарта, достаю багаж и тащусь к стойке администратора.

Если видел один международный отель – видел их все. Романтика путешествий быстро выветривается после того, как впервые застреваешь в аэропорту с полным чемоданом грязного белья через два часа после отправления последнего поезда в город.

То же касается и роскошных бизнес-отелей на четвертой командировке в месяц. Я регистрируюсь так быстро и безболезненно, как только возможно (в этом мне помогает еще одна из жутковато услужливых немецких девушек, только эта чуть хуже говорит по-английски), и взлетаю на шестой этаж отеля «Рамада». Потом блуждаю в бесконечном, вызывающем легкую клаустрофобию лабиринте коридоров, пока не нахожу свой номер.

Я бросаю на пол сумку, вытаскиваю туалетные принадлежности и сменную одежду, а затем ныряю в ванную, чтобы смыть с себя зловоние ужаса. В зеркале отражение подмигивает мне и указывает на новые седые волоски, пока я не запугиваю его тюбиком зубной пасты.

Мне всего двадцать восемь: слишком молод, чтобы умирать, и слишком стар, чтобы гонять по трассе.

Во всем виноват Энглтон. Это он меня завел на эту дорогу ровно через два дня после того, как комиссия одобрила мое повышение до старшего офицера – это, в общем-то, самый нижний чин, которому доверяют хоть какие-то организационные задачи.

– Боб, – сказал он, припечатав меня своей ужасной покровительственной улыбкой, – я думаю, тебе нужно чаще выбираться из офиса. Пора увидеть мир, свыкнуться с менее оккультными аспектами нашего дела и все такое. Можешь для начала подменить Энди Ньюстрона на нескольких низкоприоритетных международных совещаниях. Что скажешь?

– С удовольствием! – радостно согласился я. – Какие будут указания?

Ну, то есть, по сути, винить мне нужно себя самого, но Энглтону как-то проще – ему очень трудно сказать нет, к тому же он отсюда в восьми сотнях миль. Легче винить его, чем самому себе отвесить пинок под зад.

В спальне я вытаскиваю свой планшет из багажа и включаю его. Настраиваю широкополосное соединение, пробираюсь через унылый сайт платной регистрации, а потом поднимаю VPN, чтобы связаться с конторой. Затем скачиваю активную магическую защиту и запускаю ее как скринсейвер. Она похожа на диковинный геометрический узор, который без конца переливается всей цветовой гаммой, пока не превращается в выжигающую сетчатку стереоизограмму, на которую вполне можно бросить взгляд, но если незванный гость будет смотреть на нее слишком долго, она выжжет ему мозги. Перед уходом я набрасываю на экран пару потных трусов, а то вдруг придет кто-то из обслуживания номеров. Клеить волоски к дверному косяку, чтобы проверить, не приходили ли к тебе чужие, уже не модно.

У стойки администратора я интересуюсь, нет ли для меня сообщений.

– Письмо для гетра Говарда? Пожалуйста, распишитесь здесь.

В углу я замечаю неизбежный ларек Старбакса и тащусь туда, разглядывая на ходу конверт. Он сделан из дорогой кремовой бумаги, толстой и тяжелой, и, присмотревшись, я замечаю в ней тоненькие золотистые нити. Мое имя, правда, напечатано на лазерном принтере курсивом, и это немного портит эффект. Вскрываю конверт своим швейцарским кибер-инструментом, пока переутомленный турок за стойкой занимается моим заказом. Карточка внутри тоже тяжелая, но текст написан уже от руки:

*Боб, встречаемся в баре «Лагуна» в шесть вечера или как только ты
приедешь, если это будет позже.*

Рамона.

– Хм-м, – ворчу я.

Что за черт? Я приехал, чтобы принять участие в ежемесячном заседании совместного комитета с другими спецслужбами ЕС. Оно проводится в рамках Объединенной межправительственной инфраструктуры по борьбе с космологическими вторжениями ЕС, которая, в свою очередь, работает в соответствии с положениями о совместной обороне, изложенными во втором договоре в Ницце. (Вы ничего не слышали об этом евродоговоре, потому что это секретная конвенция: никто из подписавших ее стран не хочет поднимать глобальную панику.) Несмотря на секретность, мероприятие это довольно скучное: мы съезжаемся сюда, чтобы обмениваться служебными слухами и новостями, рассказывать друг другу о процедурных изменениях документооборота, через которые нам всем предстоит продираться, чтобы добыть полезную информацию из наших бюрократов, и всячески расшаркиваться друг с другом. Всего десять лет осталось до положения Омега (согласно документам под кодом ЗЕЛЕНЫЙ КОШ-

МАР, это период максимальной опасности, когда звезды встанут правильно) – вся Европа тщательно смазывает колесики и шестеренки машины оккультной обороны. Никто ведь не хочет, чтобы соседи одолела орда безумных зеленых мозгоедов: от этого сильно падают цены на недвижимость. После собрания я должен привезти домой протоколы и сообщить сводку Энгл-тону, Борису, Резерфорду и всему остальному начальству, а потом переслать протоколы в другие отделы. Так проходит слава шпиона.

В общем, я ожидал получить повестку дня и указания, где именно пройдет встреча, а не приглашение в бар от какой-то загадочной Рамоны. Роюсь в памяти: может, я кого-то знаю с таким именем? Или это было в какой-то песне?.. Нет, это Джоуи Рамон. Я складываю конверт пополам и кладу в задний карман. Не имя, а какой-то псевдоним порноспамера.

Я вырываюсь из неторопливой очереди за кофе как раз вовремя, чтобы отвлечь от работы усатого бариста. Где тут вообще бар «Лагуна»? В атриуме перед стойкой администратора обнаруживается несколько темных, разделенных стеклянными перегородками зон. Обычные отельные кафешки, безмерно дорогие рестораны и круглосуточные лавочки, где можно купить все, что ты забыл положить в чемодан вчера в четыре утра. Я брожу там, пока не замечая слово «Лагуна», выписанное золотым готическим шрифтом над одним из темных дверных проходов – наверняка это все для того, чтобы запутать гостей.

Я заглядываю внутрь. Это бар с дорогим оформлением в духе ретро семидесятых: куча итальянского мрамора и баухаусной хромированной мебели. Сейчас там почти нет посетителей (хотя, может, не во времени дело, а в том, что они дерут по шесть евро за пиво). Смотрю на телефон: 18:15. Черт. Подхожу к стойке и оглядываюсь в надежде, что назначившая мне встречу особа не забыла прихватить картонку с надписью «Я РАМОНА. ИДИ КО МНЕ».

Вот такая шпионская секретность.

– Ein Weissbier, bitte,¹ – говорю я бармену, использовав примерно 60 % своего немецкого словарного запаса.

– Запросто, приятель, – отвечает он и поворачивается за бутылкой.

– Я Рамона, – тихо шепчет мне в левое ухо женский голос с легким акцентом американского Восточного побережья. – Не оборачивайся.

Что-то твердое упирается мне в ребра.

– Это у тебя антенна мобильного или ты настолько не рада меня видеть?

Это наверняка мобильник, но я исполняю приказ: в такой ситуации рисковать не стоит.

– Заткнись, умник.

Тонкая рука незаметно протискивается мне под мышку и ощупывает грудь. Бармен как-то слишком долго ищет нужную бутылку.

– А это что за хрень?

– Наплечную кобуру нашла? Осторожно, там лежит мой приемник GPS. А в этом кармане шумоизолирующие наушники для айпода – осторожно, они дорогие! – и запасные аккумуляторы для наладонника, а еще...

Рамона оставляет в покое мою разгрузку, и через секунду твердый предмет, который упирался мне в спину, исчезает. Бармен радостно разворачивается с диковинным стаканом в одной руке и бутылкой с культурно-стереотипной наклейкой в другой.

– Приятель, это сойдет? Это отличный «Weizenbock»...

– Боб! – чирикает Рамона, обходя меня так, что я наконец ее вижу. – Мне джин-тоник, со льдом, но без лимона, – добавляет она бармену с улыбкой, похожей на рассвет в швейцарских Альпах.

Я кошусь на нее и теряю дар речи.

¹ Пшеничное пиво, пожалуйста (нем.) – прим. пер.

Добро пожаловать в мир супермоделей – или, может, она дублер Умы Турман? Рамона почти на пять сантиметров выше меня, блондинка с такими скулами, за которые Мо задушила бы кого угодно.

И во всем остальном тоже хороша. У нее такая фигура, о какой мечтают фотомодели, – если, конечно, она сама не подрабатывает моделью, когда не тыкает пистолетами в спину госслужащим, – а шелковое вечернее платье наверняка стоит больше, чем я зарабатываю за год, и это без учета сверкающих украшений. Настоящее физическое совершенство – не то, что часто удастся лично увидеть парню вроде меня: едва успеваешь восхититься – и бежишь со всех ног, прежде чем красота загипнотизирует тебя, как змея, которая смотрит в глаза какой-нибудь зверушке – мелкой, пушистой и съедобной.

Красивая, но смертельно опасная: сейчас ее тонкая рука скрывается в черной сумочке, и, судя по легкому напряжению в уголках ее глаз, я готов поставить на то, что она сжимает маленький автоматический пистолет с перламутровой рукояткой. Одно из защитных заклятий покусывает меня за запястье, и я понимаю, что вижу перед собой – чары. Я вдруг чувствую что-то вроде тоски по Мо, которая, по крайней мере, родом с моей родной планеты, хоть и имеет привычку играть на скрипке в самое непредсказуемое время.

– Какая неожиданная, но приятная встреча, дорогой! – с некоторым запозданием добавляет Рамона.

– Совершенно неожиданная, – соглашаюсь я и отступаю в сторону, чтобы взять стакан и бутылку.

Сраженный ее улыбкой бармен уже тянется за стаканом для джин-тоника. Я ухмыляюсь в порядке эксперимента. Рамона мне напоминает одну бывшую (ладно, если честно, напоминает Мэйри, признаю и стараюсь не поморщиться), только доведенную до совершенства и в режиме хищницы. Как только я привыкаю к влиянию ее чар, у меня возникает странное чувство, что я ее уже где-то видел.

– Это твоя красная «ауди» стоит на парковке?

Она обрушивает на меня всю мощь своей улыбки:

– А если и так?

Буль-буль... дзинь. Кубики льда падают в стакан.

– Шестнадцать евро, приятель.

– Запишите на мой счет, – механически говорю я и протягиваю ему ключ-карту от номера. – Если твоя, то ты меня чуть в кювет не сшибла на трассе A45.

– Чуть не... – Она смотрит сначала озадаченно, затем огорошенно. – Это что, ты ехал в этом хрустике?!

– Если бы контора заплатила за «ауди», я бы тоже гнал с ветерком. – Видя ее замешательство, я чувствую легкое злорадство. – За кого ты меня принимаешь? И кто ты такая? Что тебе нужно?

Бармен уплывает на другой конец стойки, продолжая блаженно улыбаться. Я моргаю, чтобы отогнать тревожные проблески искажений, которые возникают в поле зрения, когда я смотрю на нее.

Чары как минимум третьего уровня, говорю я себе и невольно ежусь. Моим магическим контрмерам не хватает силы, чтобы пробиться через них и показать мне, как она выглядит на самом деле, но, по крайней мере, я знаю, что мне морочат голову.

– Я Рамона Рандом. Можешь звать меня Рамоной.

Она пригубливает джин-тоник, а потом обеспокоенно смотрит на меня сверху вниз: так аристократ-элой разглядывал бы неуклюжего полуслеплого морлока, который каким-то образом выбрался на поверхность. Я на пробу отхлебываю пива и жду продолжения.

– Хочешь меня трахнуть?

Пиво идет через нос.

– Шутишь?! – Это все же вежливей, чем «я скорее займусь любовью с королевской коб-рой», и не так жалко, как «моя девушка меня закопает», но стоит мне это сказать – и я тут же понимаю, что это правильная, интуитивная реакция. – Что там под чарами? Наверняка ничего такого, что стоит тащить в постель.

– Это хорошо, – говорит Рамона и кивает, локон светлых волос на миг закрывает лицо. К моему вящему облегчению тема закрыта. – Все парни, с которыми я спала, умирали меньше чем за двадцать четыре часа. – Кажется, я изменился в лице, потому что она оправдывается: – Это совпадение! Я их не убивала. Ну, по большей части.

Я понимаю, что пытаюсь спрятаться за стаканом с пивом, и заставляю себя выпрямиться.

– Приятно слышать, – ответ выходит несколько поспешным.

– Я просто спросила, потому что нам предстоит работать вместе. И было бы очень печально, если бы ты со мной переспал и умер, потому что это нам не годится.

– Правда? Как интересно. И чем, по-твоему, я занимаюсь?

Рамона ставит стакан на стойку и вынимает руку из сумочки. И опять дежавю: вместо пистолета она держит трехлетний «Palm Pilot». Техника старая, и я даже немного задираю нос, узнав, что хотя бы в одном важном плане у меня перед ней преимущество. Она откидывает щиток и смотрит на экран.

– Я думаю, ты работаешь на Столичную прачечную, – спокойно заявляет она. – Номинально ты старший офицер в отделе внутренней логистики. Тебе поручено представлять свой отдел на разных совместных комитетах и заниматься закупками в сфере ИТ. Но на самом деле ты работаешь на Энглтона, верно? Значит, они в тебе увидели что-то, чего я... – она скептическим взглядом окидывает мою потертую футболку, джинсы и разгрузку с гиковскими приблудами, – ...не вижу.

Я надеюсь, что сдуслся не слишком заметно. В общем, ясно: она в игре. Так даже легче – хотя это еще вопрос спорный. Я глотаю пива (на этот раз успешно).

– Может, скажешь тогда, кто ты такая?

– Уже сказала. Я Рамона, и я не собираюсь с тобой спать.

– Хорошо, Рамона-и-я-не-собираюсь-с-тобой-спать. Кто ты? Ты вообще человек? Я ничего не вижу за твоими чарами, и это меня нервирует.

Меня сверлят сапфировые глаза.

– Гадай дальше, обезьяныш.

Господи боже...

– Ладно, на кого ты работаешь?

– На Черную комнату. И я всегда работаю в этих чарах. У нас дресс-код, знаешь ли.

На Черную комнату? В животе у меня холодеет: я один раз пересекался с этими ребятами на заре своей карьеры, и все, что я узнал о них в дальнейшем, подсказывает, что мне очень повезло остаться в живых.

– Кого ты собираешься тут убить?

Она корчит недовольную гримасу:

– Я должна с тобой работать. Никого убивать здесь мне не поручали.

Мы снова ходим кругами.

– Ладно. Ты собираешься со мной работать, но не будешь со мной спать, чтобы я не умер от проклятья мумии и так далее. Ты приделась так, чтобы захомутать какого-то бедолагу, но не меня, и тебе известно, кто я такой. Может, пора перестать морочить мне голову и объяснить наконец, что ты здесь делаешь, почему нервничаешь и что происходит?

– Ты что, правда не знаешь? – слегка ошалело спрашивает она. – Мне сказали, что ты получил инструктаж.

– Инструктаж? – теперь ошалел уже я. – Ты шутишь? Я приехал на собрание комитета, а не на ролевую игру.

– Так! – На миг она кажется озадаченной. – Ты приехал на очередное заседание совместного комитета по космологическим вторжениям, правильно?

Я едва заметно киваю. Ревизоры обычно не спрашивают, чего ты не говорил, их интересует, что именно ты сказал и кому.²

– О тебе мне ничего не говорили.

– Ясно, – задумчиво кивает Рамона и слегка расслабляется. – Похоже на обычную служебную лагу. Как я уже говорила, мне сказали, что мы будем работать вместе – совместная операция, начиная с этой встречи. Кстати, об этом заседании: у меня аккредитация.

– То есть... – Прикусываю язык, пытаюсь вообразить ее в комнате для совещаний над шестидесятистраничной повесткой дня. – В каком качестве?

– В качестве наблюдателя. Завтра покажу свою печать, – добавляет она. (И на этом точка. Печати выдаются тем из нас, кого назначают в совместный комитет.) – А ты мне покажешь свою. Наверняка тебя проинструктируют за это время – потом нам будет о чем поговорить.

– А что за... – сглатываю, – ...что за работа нас ждет?

Она улыбается:

– Баккара.

Она допивает джин-тоник и, прошелестев платьем, встает.

– До встречи, Роберт. До вечера...

Я беру еще одно пиво, чтобы успокоить нервы, и устраиваюсь на плотоядном кожаном диване в дальнем углу бара. Когда бармен отворачивается, я вытаскиваю свой «Трео», запускаю специальную программу и набираю номер в Лондоне. Четыре гудка, затем отвечает мужской голос:

– Босс? У меня тут головняк. Явилась какая-то Рамона, работает на Черную комнату. Утверждает, что мы должны работать вместе. Что вообще происходит? Мне нужно знать.

Я кладу трубку, не дожидаясь реакции. Энглтон придет примерно в шесть часов по лондонскому времени, тогда я все и узнаю. Я вздыхаю, чем навлекая на себя грязные взгляды от парочки разряженных авантюристов за соседним столиком. Думаю, им кажется, что я роняю уровень заведения. Меня охватывает чувство острого одиночества. Что я вообще здесь делаю?

Очевидный ответ: я приехал по делам Прачечной. Кто бы ни позвонил в дверь или по официальному телефону, попадет в Столичную прачечную, хоть мы и не работаем в старой штаб-квартире над китайской прачечной в Сохо с окончания Второй мировой. У Прачечной долгая память. Я работаю здесь, потому что мне предложили выбор: работать на Прачечную или... или вообще нигде не работать. Никогда. И теперь, рассуждая трезво, я не могу их винить. Есть такие люди, которых не стоит оставлять снаружи, а то напишут внутрь, а когда мне было двадцать, я был наивный и самоуверенный, и оставлять меня без присмотра было так же безопасно, как полтонны гелигнита. Теперь я обученный компьютерный демонолог, оккультист того рода, что и вправду может вызывать духов из бездонных глубин: ну или, по крайней мере, из тех уголков местного пространства Калаби-Яу, где они воют и шепчут, собранные в бране. Теперь я приношу гораздо меньше проблем – или, во всяком случае, знаю, какие нужны меры предосторожности. Теперь я как бункер, набитый умными бомбами.

Большая часть работы в Прачечной заключается в занудном заполнении формуляров и производстве должностных бумаг. Примерно три года назад мне стало невыносимо скучно, и я попросился на действительную службу. Это была ошибка, о которой я горько жалею до сих пор,

² Особенно нежелательно выбалтывать государственные тайны сногшибательным иностранным шпионкам, особенно если до конца неизвестно, люди ли они.

потому что это подразумевает всякие неприятности: например, тебя поднимут в четыре утра из постели, чтобы пересчитать бетонных коров в Милтон-Кинс, и это совсем не так весело, как можно подумать – особенно когда дело доходит до того, что в тебя стреляют, а потом приходится заполнять еще более запутанные бланки и отчитываться перед Ревизионной комиссией. (А о ней лучше вообще молчать.) С другой стороны, если бы я не пошел на действительную службу, я бы не познакомился с Мо, с доктором Доминикой О’Брайен, – она, правда, ненавидит, когда ее называют Доминикой, – а я уже и вообразить не могу, какой была бы моя жизнь без нее.

По крайней мере, в принципе без нее. В последнее время она месяцами пропадает на разных учебных курсах – секретных, – о которых не может мне рассказывать. Сейчас она уже пятую неделю сидит в Данвиче, а за две недели до этого мне нужно было уезжать на очередной международный комитет, так что, по правде сказать, я соскучился. Я сказал об этом Пинки в пабе на прошлой неделе, а он фыркнул и заявил, мол, я веду себя так, будто уже женился. Наверное, он прав: я не привык к тому, что в моей жизни есть кто-то чудесный и не сумасшедший, и, кажется, я привязчивый. Может, нужно поговорить об этом с Мо, но это вопрос тонкий, и мне не хочется его поднимать: предыдущий ее брак счастливым не назовешь.

Я как раз добрался до половины стакана и мыслей о Мо (если она не занята, мы могли бы поболтать), когда у меня звонит телефон. Смотрю на экран и холодею – это Энглтон. Я вызываю конус тишины и подношу трубку к уху:

– Боб слушает.

– Боб, – ледяной голос Энглтона похож на шелест бумаги, а сжатие данных и туннель безопасности на линии добавляют ему эхо. – Я получил твое сообщение. Опиши мне эту «Рамону».

– Не могу. Она носит чары, по меньшей мере, третьего уровня – я чуть не окосел. Но она знает, кто я и зачем приехал.

– Понятно. Примерно этого я и ожидал. Теперь ты должен сделать следующее, – говорит Энглтон и делает паузу, а я облизываю внезапно пересохшие губы: – Ты должен допить пиво и подняться в свой номер. Внутрь не входи, пройди дальше по коридору к двери со следующим номером по той же стороне. Там уже должна расположиться твоя группа поддержки. Они продолжают инструктаж, когда ты окажешься в безопасном помещении. Пока что в свой номер не входи. Это понятно?

– Вроде да, – киваю. – Ко мне подкралось внезапное задание, так?

– Да, – говорит Энглтон и без экивоков вешает трубку.

Я отставляю пиво, а потом встаю и смотрю по сторонам. Я-то думал, что приехал на самое обычное заседание совместного комитета, но вдруг оказался среди зыбучих песков, возможно, на вражеской территории. Пожилые свингеры смотрят на меня без особого интереса, но мои заклятья не дрожат: я вижу их такими, какие они есть. Хорошо. Сразу ложись в постель, не ужинай, не забирай... качаю головой и ухожу.

Чтобы добраться до лифта из бара, нужно пересечь укрытую огромным ковром площадку, на которую открывается отличный вид с балконов двух этажей: в обычной ситуации я бы этого даже не заметил, но после сюрприза от Энглтона у меня по коже бегут мурашки, так что, переходя открытое пространство, я судорожно сжимаю наладонник и браслет с оберегом. Народу в холле немного, если не считать очереди усталых туристов у стойки администратора, и я оказываюсь у лифта, не почувствовав запаха фиалок или того щекочущего ощущения, которое обычно предшествует смертоносному заклятью. Нажимаю кнопку «вверх», и дверь лифта тут же открывается.

Есть такая теория, что все отельные сети участвуют в заговоре, призванном убедить путешественника в том, что на планете существует всего один отель, точно такой же, как в твоём

родном городе. Я лично в это не верю: куда правдоподобней считать, что я никуда не ездил, а меня похитили инопланетяне, накачали наркотиками, внушили ложные воспоминания об унижениях на таможне и дорожной скуке, а потом упаковали на отдых в очень дорогую комнату с мягкими стенами. Заодно это объясняет и то чувство дезориентации и головокружения, которое я испытываю в этих дворцах; к тому же легче поверить в злокозненных инопланетян, чем в то, что живые люди готовы так жить.

И лифты – фундаментальная часть сценария инопланетного похищения. Я считаю, что пол под мрамор и зеркальный потолок специально так устроены, чтобы внушить гипнотическое чувство безопасности похищенному, поэтому я щипаю себя, чтобы оставаться начеку. Лифт едва начинает ускоряться при подъеме, как мой телефон начинает вибрировать. Я смотрю на экран, читаю сообщение и падаю на пол.

Лифт скрипит и поднимается на шестой этаж. Узел у меня в животе слабеет: подъем замедляется! Детектор энтропии, встроенный в антенну моего мобильного, выбросил на экран кроваво-красную иконку тревоги. Наверху творится что-то очень серьезное, и чем ближе я поднимаюсь к своему этажу, тем сильнее эффект. «Черт-черт-черт», – шепчу я, вызывая базовый защитный экран. Я безоружен: я же вроде бы приехал на дружественную территорию, а то, что творится на одном из верхних этажей отеля «Рамада»... Я невольно вспоминаю другой отель, в Амстердаме, и вой ветра, летящего в пустоту через портал на месте стены... Дзынь. Двери открываются, и в этот миг я понимаю, что нужно было броситься к панели управления и нажать кнопку аварийной остановки. «Вот дерьмо», – добавляю я (впрочем, ничего нового), как вдруг мигающая красным стрелка на экране телефона бежит против часовой стрелки и замирает на зеленом поле: безопасной зелени, нормальной зелени, зеленому знаку того, что чертовщина закончилась.

– Zum Teufel!³

Я, как дурак, смотрю на пару ног, закованных в кожаные трекинговые ботинки (кажется, пуленепробиваемые), потом выше – на пару вельветовых брюк и бежевый пиджак пожилого немецкого туриста.

– Пытаюсь покрытие поймать, – бормочу я, выползая на четвереньках из лифта и чувствуя себя неимоверно глупо.

Я на цыпочках крадусь по коридору к своему номеру, ломая голову в поисках правдоподобного объяснения произошедшему: ситуация воняет, как лежалая треска. Что происходит? Рамона, кем бы она ни была... бьюсь об заклад, она в этом замешана. А скачок энтропии был огромный. Но сейчас все вернулось в норму. Кому-то открыли ворота? Или это проксимальное заклатье?

Застыв у двери, несколько секунд держу руку над ручкой.

Она холодная. Не просто холодная, как металл, а ледяная, как жидкий азот.

– Ой-ой, – тихонько говорю я и иду дальше по коридору к следующей двери.

Затем достаю телефон и набираю Энглтона.

– Боб, рапорт.

Я облизываю губы:

– Я еще жив. Пока я ехал в лифте, третичный детектор приближения вылетел в красное, но потом упал в норму. Я подошел к своему номеру, и температуру дверной ручки можно выписать одной цифрой по Кельвину. Сейчас стою у двери соседнего номера. Я считаю, это ЧС, и, если вы мне не скажете, что все не так, я объявляю код синий.

– Тебе здесь предстоит иметь дело не с синим, – сухо усмехается Энглтон, чего я в общем-то от него и ждал. – Но запомни, что твой код активации 007. На случай, если потом понадобится.

³ Вот черт! (Нем.) – Прим. пер.

– Что?! – я ошалело пялюсь на телефон, а потом набираю цифры с клавиатуры. – Господи боже, Энглтон, однажды мне придется вам рассказать о том, чем безопасные пароли отличаются от слабых. По идее у меня не должно быть возможности взломать свою блокировку и начать палить во все стороны...

– Но ты ведь этого и не сделал, верно? – с еще большим весельем говорит он; мой телефон дважды пищит, а потом щелкает. – Когда дерьмо попадет в вентилятор, у тебя может не быть времени на запрос. Поэтому все просто. А теперь докладывай обстановку.

– Включаюсь.

Я судорожно нажимаю несколько кнопок, и невидимые бабочки порхают вверх-вниз по моему хребту; когда они исчезают, коридор кажется темнее и опаснее.

– Половина есть. Терминал активирован.

Копаясь в кармане, достаю маленькую веб-камеру и вставляю ее в слот расширения на телефоне. Теперь у моего телефона две камеры.

– Так, загружен ВЗГЛЯД СКОРПИОНА. Я вооружен. Чего мне ждать?

Из дверного замка раздается жужжание, и на двери вспыхивает зеленая лампочка.

– Надеюсь, пока ничего, но... открывай двери и входи. На месте тебя должны ждать группа поддержки и дальнейшие инструкции, если только что-то не пошло не так за последние пять минут.

– Господи боже, Энглтон.

– Рад, что ты знаешь, как меня зовут. И не божись: у стен есть уши.

Ему по-прежнему весело – вот ведь всеведущий ублюдок. Не знаю, как ему это удастся – у меня нет нужного уровня допуска, – но мне всегда кажется, будто он заглядывает мне через плечо.

– Входи. Это приказ.

Я набираю полную грудь воздуха, беру телефон наизготовку и открываю дверь.

– Дарова, Боб!

Пинки склонился над потертым чемоданчиком с инструментами, его пальцы бегают по компактной клавиатуре. Из одежды на нем только очаровательный батиковый саронг, он отпустил длинные подкрученные усы, но я все равно не намерен дать ему понять, насколько это все меня тревожит и насколько я рад его видеть.

– А где Брейн? – спрашиваю я, закрывая за собой дверь, и медленно выдыхаю.

– В шкафу. Не волнуйся, он скоро выйдет, – Пинки указывает пальцем на дверцы стенового шкафа на стене, смежной с моим номером. – Нас прислал Энглтон. Сказал, что тебе нужен инструктаж.

– Я что, единственный, кто не знает, что происходит?

– Наверное, – ухмыляется он. – Не волнуйся, старик. – Он косится на мой «Трео». – Только не направляй на меня, ладно?

– Ой, прости.

Я поспешно опускаю телефон и вынимаю вторую камеру, которая превращает его в терминал для ВЗГЛЯДА СКОРПИОНА, устройство-василиск, способное взрывать органику в зоне видимости, убеждая ядра углерода в том, что они кремниевые.

– Так ты мне расскажешь, что происходит?

– Само собой, – беспечно кивает Пинки. – Тебе нужно устроить фатумную запутанность с новой напарницей, а мы должны проследить, чтобы она тебя не убила и не съела до окончания ритуала.

– Устроить *что*?!

Я опять взвизгнул. Ненавижу это.

– Она из Черной комнаты. Вам предстоит вместе взяться за какое-то большое дело. Поэтому старик хочет, чтобы ты мог взять от нее лучшие качества, когда тебе потребуется помощь.

– Что значит «взять от нее лучшие качества»? Я что, в ученики к ней попал?

У меня ужасное чувство, что я понимаю, о чем говорит Пинки, и мне это совершенно не нравится. Но зато теперь ясно, почему Энглтон назначил мне в поддержку Пинки и Брейна. Они мои старые соседи, и этот ублюдок думает, что мне так будет легче.

Открывается дверь шкафа, и изнутри выходит Брейн. В отличие от Пинки, он одет прилично. Точнее, прилично по меркам БДСМ-клуба.

– Не переживай, Боб, – говорит он и подмигивает. – Я просто сверлил дырки в стене.

– Дырки?..

– Чтобы за ней следить. Она заперта в пентакле на ковре в твоей спальне. Так что не бойся, она не вырвется и не украдет твою душу, прежде чем мы закончим контур. Не шевелись, а то не сработает.

– Кто? В каком пентакле в моей спальне? – Я отступаю к двери, но Брейн подходит ко мне со стерильной иглой.

– Твоя новая напарница. Протяни руку, больно не будет...

– Ой!

Я отпрыгиваю назад, бьюсь о стену, и Брейн умудряется добыть из меня каплю крови, пока я морщусь.

– Отлично, это нам поможет связать судьбы. Знаешь, как тебе повезло? Ну, то есть, наверное, повезло... если тебе такое нравится...

– Да кто она такая, черт побери?

– Твоя новая напарница? Подменыш, которого прислали из Черной комнаты. Зовут Рамонной. И она роскошная, если это для тебя имеет значение.

И Брейн даже ухмыляется, ах, как снисходительно к моей унылой гетеросексуальности.

– Но я же не...

В туалете спускают воду, и в комнате появляется Борис. Вот тут-то я понимаю, что я по уши в дерьме, потому что Борис не мой обычный непосредственный начальник: Борис – это тот парень, которого присылают, когда все летит в тартарары и нужно все почистить – любыми доступными средствами.

Борис ведет себя как дешевый актер второго плана в шпионском фильме про Холодную войну – вплоть до деланого акцента и бритой головы, – хотя на самом деле он такой же англичанин, как я. Ошибки в речи у него после инсульта, вызванного неудачным заклятием в полевых условиях.

– Боб, – говорит он без улыбки. – Добро пожаловать в Дармштадт. Ты приехал на заседание совместного комитета. Завтра идешь на заседание по плану, но с этого момента получаешь доступ уровня АЗОРА СИНИЙ АИД. Я провожу инструктаж, представляю тебе группу поддержки и контролирую связь с твоей... твоей спутницей. Чтобы тебя не съели.

– Съели? – уточняю я.

Кажется, я выгляжу немного взвинченным, потому что Борис даже невероятным образом смягчается.

– А в чем суть работы? Я же не вызывался на полевое задание...

– Тебе знать нельзя. Нам очень жаль, что пришлось на тебя это повесить, – говорит Борис и проводит ладонью по лысому черепу, чем выдает ложь с головой. – Но на театральщину нет времени. – Он смотрит на Брейна, и тот кивает. – Сперва инструктаж, потом закончим протокол спутывания с сущностью в соседнем номере. Потом... – Он смотрит на часы. – ...сам решай, но ориентировочно у тебя всего семь дней на то, чтобы спасти западную цивилизацию.

– Что?

На какой-то миг я сомневаюсь в том, что верю своим ушам. Борис мрачно смотрит на меня, затем кивает:

– Если бы я решал, я бы на тебя не полагался. Но времени нет и выбора тоже.

– Господи боже, – говорю я и плюхаюсь на единственный свободный стул. – Мне это не понравится, верно?

– Совсем. Пинки, вставляй DVD. Пора расширить Роберту горизонты...

2: Улетая в Данвич

Река времени никого не ждет, но иногда сильный стресс заставляет ее обмелеть. Забрось наживку на четыре недели назад и увидишь, что поймашь, подсекая воспоминания месячной давности...

Позднее утро февральской субботы, мы с Мо допиваем оставшийся от завтрака кофе и обсуждаем отпуск. Точнее, это она обсуждает отпуск, а я уткнулся носом в большую толстую книгу – освежаю классику. По правде говоря, каждое ее слово мешает мне сосредоточиться, так что я ее еле слышу. К тому же мне не очень нравится мысль тратить кровные сбережения на две недели в жаре и без включенного питания. Мы вообще-то экономим, чтобы внести залог за дом.

– А если на Крит? – спрашивает она, сидя за кухонным столом и аккуратно обводя красным трехдюймовый столбец в газете.

– А ты не сгоришь?

У Мо типичная для рыжих светлая кожа и веснушки.

– У нас, в цивилизованном мире, есть такая высокая технология, называется «крем от загара». Ты мог слышать о нем легенды, – хмурится Мо. – Ты меня не слушаешь, да?

Я вздыхаю и откладываю книгу. Черт, ну почему сейчас? Я ведь только добрался до того места, где Таненбаум мастерски разделяется с набором протоколов OSI.

– Виновен, ваша честь.

– И почему же? – спрашивает она, наклоняется вперед, скрестив руки, и сверлит меня взглядом.

– Книжка хорошая, – признаюсь я.

– Ах, тогда совсем другое дело, – фыркает она. – Ее ты можешь с собой и на пляж взять, а вот локти начнешь кусать, если мы слишком долго будем тянуть резину: все дешевые путевки разберут, и нам придется выбирать из остатков «Клуба 18-30» и платить втридорога – или кого-то из нас опять отправят в командировку, потому что мы вовремя не известили отдел кадров про свои планы на отпуск. Великолепно.

– Прости. Я просто сейчас не очень горю этой идеей.

– Да, и рождественский кредит по карте я тоже уже оплатила. Просто пойми: к маю нам обоим будет нужен отпуск, а если бронировать поздно, выходит вдвое дороже.

Я смотрю в глаза Мо и понимаю, что она не оставила мне ни единого шанса. Она старше меня – по крайней мере на несколько лет – и намного ответственнее (и что она во мне нашла...). В общем, если и есть у жизни с ней недостаток, то он заключается в том, что она меня строит.

– Но... Крит...

– Крит, остров. Колыбель Минойской цивилизации, которая погибла, вероятно, из-за резкого климатического изменения или извержения вулкана на Тире-Санторини. Множество великолепных фресок, развалины дворца, чудесные пляжи и умопомрачительная мусака. И жареные осьминоги: да, я помню, что ты не любишь еду со щупальцами. Если мы туда приедем в конце мая, успеем до начала сезона. Я считаю, нужно забронировать несколько экскурсий – я читаю сейчас о тамошней археологии – и отдельные апартаменты с кухней, где мы сможем провести две спокойных недели и понежиться на солнце, прежде чем термометр пробьет цифру тридцать и остров превратится в сковородку... Как тебе такой план? А я буду играть на скрипке, пока ты будешь валяться на пляже.

– Хороший план... – Я замолкаю. – Постой, а что там с археологией?

– Джудит недавно направила меня изучать историю прибрежных цивилизаций, – отвечает Мо. – Я подумала, что неплохо бы своими глазами их увидеть.

Джудит – заместитель начальника департамента морских дел на работе. Она примерно половину года проводит в учебном центре в Данвиче, а вторую – на озере Лох-Несс.

– Ага. – Я нахожу салфетку и превращаю ее в закладку. – Значит, на самом деле это по работе.

– Нет, что ты!

Мо закрывает газету, а затем поднимает ее и начинает аккуратно складывать страницы. Она не остановится, пока не приведет их в такой вид, что хоть второй раз продавай: это у нее нервное.

– Мне просто любопытно. Я столько читала о минойцах и прецедентной практике договоров между людьми и глубоководными, что мне уже стало интересно. К тому же в последний раз я была в Греции примерно двадцать лет назад, на школьной экскурсии. Пора туда вернуться: думаю, там можно хорошо отдохнуть. Солнце, секс и осьминоги, приправленные археологией.

Я понимаю, что побежден, но я не настолько дурак: пора сменить тему.

– А что за работу на тебя спустила Джудит? – спрашиваю я. – Не думал, что ей может потребоваться твой подход в... хм, да в чем бы то ни было.

В детали лучше не вдаваться: дом, в котором мы живем, частично оплачивает для своих сотрудников Прачечная – иначе мы бы никогда не смогли прожить в центре Лондона на две зарплаты госслужащих. Минус такого положения в том, что, если мы начинаем обсуждать государственные тайны, у стен вырастают уши.

– У Джудит возникли проблемы, о которых тебя не информировали. – Мо поднимает свою чашку, заглядывает в нее и корчит гримасу. – Я начинаю о них узнавать, и они мне не нравятся.

– И ты?..

– Я на следующей неделе уеду в Данвич, – вдруг говорит она. – И какое-то время пробуду там.

– Чего?!

Я, кажется, отвесил челюсть, потому что она ставит чашку на стол, поднимается и протягивает ко мне руки:

– Ох, Боб!

Я тоже встаю. Мы обнимаемся.

– Что происходит?

– Учебный курс, – сухо говорит она.

– Опять учебный курс? Они что, хотят, чтобы ты вторую диссертацию защитила на кафедре шпионажа и разведки? – спрашиваю я.

Сам я в Данвиче прошел только один учебный курс, посвященный полевой работе. В Данвиче Прачечная хранит многие из своих секретов – за отведенными дорогами и колючим кустарником, в деревеньке, которую полностью эвакуировало военное министерство еще в сороковые, но гражданское население так и не вернулось. В отличие от Рима, в Данвич не ведет ни одна дорога: чтобы попасть туда, нужен GPS-навигатор, внедорожник и особый талисман.

– Вроде того. Энглтон попросил меня взять на себя кое-что дополнительно, но я пока не могу об этом говорить. Скажем так, это по меньшей мере ничуть не хуже, чем малоизвестные направления теории музыки, с которыми я работала раньше. – Мо прижимается ко мне и крепко обнимает. – Слушай, никто не будет возмущаться, что я тебе сказала, что уезжаю, так что... спроси Джудит, ладно? Если правда считаешь, что тебе нужно знать. Это временно. У меня будет мобильник и скрипка, и мы сможем говорить по вечерам. А на выходные я буду стараться выбираться домой.

– На «выходные»? Да сколько же продлится этот курс? – мне стало любопытно и немного обидно. – Когда тебе о нем сказали?

– Конкретно об этом – вчера. И я не знаю, сколько он занимает: Джудит говорит, что он проводится нерегулярно, все зависит от особых специалистов. Минимум четыре недели, может, больше.

– Специалистов. А у этих специалистов, наверное, бледная кожа? И жабры?

– Да. Именно. – Она расслабляется и отступает на шаг. – Ты их видел.

– Вроде того, – я ежусь.

– Мне это не очень нравится. Я говорила, что меня нужно заранее предупреждать. По крайней мере, о таких вот внезапных учебных курсах.

Кажется, пора сменить тему.

– Крит. Стало быть, к этому времени ты уже вырвешься с этого курса?

– Да, наверняка, – кивает Мо. – Поэтому хочу от этого всего уехать. С тобой.

– Так вот в чем дело. Джудит хочет забросить тебя головой вниз в Данвич на три месяца, и тебе потом нужно будет где-то от всего этого отойти.

– В общем, да.

– Вот дерьмо, – я снова беру в руки книгу, а потом свою чашку. – Кофе остыл.

– Я новый заварю.

Мо забирает кофейник в мойку и начинает его мыть.

– Иногда я ненавижу эту работу, – начинает напевать она, – а работа ненавидит меня-а-а-а...

Эта работа называется математика. Или, точнее, метаматематика.

Или оккультная физика. И Мо не попала бы на эту работу, если бы не познакомилась со мной (с другой стороны, если бы она не познакомилась со мной, она бы погибла, так что будем считать, что тут счет мы сравняли, и едем дальше).

В общем, если я просто приду и скажу, что магия существует, вы меня, наверное, за психа примете. Но это будет ошибкой. И поскольку мой работодатель со мной согласен, а мой работодатель – правительство, голосов у вас будет меньше⁴. Мы упорно пытались это скрывать. Наши предшественники изо всех сил вымарывали магию из учебников истории и общественного сознания – проекты массового наблюдения тридцатых были не просто социологическими исследованиями, какими они подавались обществу, и с тех самых пор мы делаем все возможное, чтобы удерживать на кипящей кастрюле оккультизма герметическую крышку государственной тайны. Так что если вы решили, что я псих, то это частично плод моих собственных трудов.

Моих – и организации, на которую я работаю (мы называем ее Прачечной), а также аналогичных организаций в других странах.

Беда в том, что магия, с которой мы имеем дело, совсем не про кроликов в цилиндре, фей в саду или исполнение желаний. На самом деле мы живем в мультиверсуме – комплексе вселенных, взаимосвязанных настолько слабо, что они слегка протекают друг в друга на уровне квантовой пены в пространственно-временном континууме. Только одна сфера объединяет эти вселенные – платоническое царство математики. Мы можем доказывать теоремы и тем самым отбрасывать тени на стены нашей пещеры. Чего не знает большинство людей (в том числе большинство математиков и специалистов в области компьютерных наук – это, по сути, одно и то же), так это того, что в параллельных пещерах другие создания – совершенно нечеловеческие по всем параметрам «создания» – тоже иногда видят тени и отбрасывают свои тени к нам.

До 1942 года коммуникация с другими мирами происходила по большей части случайно. К сожалению, Алан Тьюринг частично ее систематизировал – что впоследствии привело к его «самоубийству», а потом к перемене базовой политики по отношению к таким людям: решили,

⁴ А пушек – и того меньше.

что лучше пусть великий логик будет сидеть внутри палатки и писать наружу, чем окажется снаружи и будет писать внутрь. Прачечная – подразделение Управления специальных операций времен Второй мировой войны, которое было создано для защиты Соединенного Королевства от худших представителей мультиверсума. И поверьте мне, там есть такие твари, которых даже Джерри Спрингер не позвал бы на свою передачу.

Прачечная собирает IT-специалистов, которые случайно открывают элементы вычислительной демонологии – примерно так же, как Сталин собирал анекдоты о себе⁵. Около шести лет назад я чуть не сровнял с землей Вулверхэмптон, не говоря уж о большей части Бирмингема и центральных графств, когда экспериментировал с очень прикольным новым алгоритмом рендеринга, который мог бы случайно вызвать сущность, известную мудрецам под названием «Твою мать, это Ньярлатотеп! Беги!» (а всем остальным просто как «Мать твою, беги!»)⁶. А Мо... она по образованию философ.

Знающий философ еще опаснее айтишника: у них есть дурная привычка становиться экзистенциальными магнитами, которые притягивают всякое непотребство. Мо попала в поле зрения Прачечной, когда привлекла к себе слишком уж пристальное внимание чудовища, которое решило, что наша планета аппетитная, особенно если полить кетчупом. А вот как мы стали жить вместе – это уже другая история, довольно счастливая. Но факт остается фактом: сейчас Мо работает на Прачечную, как и я. Однажды она сказала, что теперь обеспечивает себе чувство безопасности тем, что старается стать настолько опасной, насколько это возможно. Хотя я ворчу и ною, когда фея из отдела кадров решает разделить нас на несколько месяцев кряду, по правде говоря, если работаешь на секретную правительственную организацию, чего-то такого вполне можно ожидать. И они вряд ли делают это без особой на то причины. И это мне особенно не нравится...

...а еще мне не нравится Microsoft PowerPoint, который возвращает меня в настоящее.

PowerPoint – это симптом определенного рода бюрократической среды: той, что характеризуется бесконечными презентациями с кучей мелких списков, перетекающих друг в друга кадров и фоновой музыкой, призванными убедить зрителей, что оратор за компьютером говорит что-то важное. Это излюбленное орудие низколобых идиотов в дорогих костюмах и с тонкими ноутбуками, которые вечно пытаются сделать вид, будто все знают и контролируют, даже если у них за спиной уже пылает Рим. Ничто не производит бессодержательную корпоративную чепуху лучше, чем PowerPoint. И это только то, что очевидно на первый взгляд...

Простите. Вы, наверное, думаете, что я слишком категоричен – в конце концов, программа для создания презентаций входит в стандартную поставку офиса, – но у меня с PowerPoint связан очень необычный опыт. К тому же вам, наверное, никогда не доводилось сидеть перед ноутбуком в компании здорового типа с кобурой под мышкой и команды поддержки и смотреть презентацию, первый же слайд которой гласит: «ЭТА ИНФОРМАЦИЯ САМОУНИЧТОЖИТСЯ ЧЕРЕЗ ПЯТНАДЦАТЬ СЕКУНД». Это обычно означает, что все летит коту под хвост и тебе предписывается спасти положение, иначе произойдет что-то плюс-плюсово плохое.

Да, плюс-плюсово плохое.

– Протокол фатумной запутанности, – бормочу я, пока Пинки возится у меня за спиной и поворачивает кресло, в котором я сижу, к шкафу, а Борис тыкает пальцем в клавиатуру ноутбука; я такого протокола не знаю. – Вы не хотите мне объяснить... эй, зачем тебе изоленда?

– Прости, Боб, попробуй не шевелиться, ладно? Это просто предосторожность.

– Предосторожность, значит...

⁵ У него их набралось два полных лагеря.

⁶ За исключением Черной комнаты. Эти парни скажут: «Вы опоздали, мы вычтем это время из вашего гонора».

Я предупредительно чешу нос левой рукой, пока Пинки приматывает мне правую к подлокотнику.

– А какой процент провалов у этой процедуры? А то, может, мне нужно было сперва жизнь застраховать...

– Расслабься. Никаких провалов.

Борис наконец убедил ноутбук в том, что у него есть клавиатура, и развернул его так, чтобы я видел экран. На нем мигает привычный глиф безопасности (этот конкретный, кажется, называют дхармачакра) и кусает меня за переносицу. Он взламывает зрительную кору так, чтобы я не болтал.

– Провал недопустим, – повторяет Борис.

Экран опять мигает, и на нем возникает видео, записанное Энглтоном.

– Здравствуй, Боб, – начинает он.

Старик сидит за своим столом так, будто сбежал из фильма «Миссия невыполнима», и эффект был бы вдвое убедительнее, если бы стол не представлял собой зеленую металлическую конструкцию, похожую на внебрачного ребенка аппарата для чтения микрофильмов и древнего компьютера родом из пятидесятых.

– Прости за видеоинструктаж, но мне нужно было находиться в двух местах одновременно, и ты проиграл.

Я перехватываю взгляд Бориса, и он нажимает на паузу.

– Да как же это можно назвать секретным? – возмущаюсь я. – Это же видеозапись! Если бы она попала в руки врагу...

Борис косится на Брейна:

– Скажи ему.

Брейн извлекает из своей сумки хитрое устройство.

– Энди его снял вот этим, – объясняет он. – Это полупроводниковая камера, которая работает с картами ММС. Все зашифровано, и мы вставили в начале кусок другой записи, чтобы все это выглядело как любительский фильм. Все это и гейс-поле в придачу, так что кто бы ни украл запись, он решит, что ему в руки попала очередная серия «Ведьмы из Блэр». Прикольно, да?

Я вздыхаю. Будь он собакой, вилял бы хвостом так, что стулья летели бы во все стороны.

– Ладно, запускай.

Я стараюсь не обращать внимания на Пинки, который возится на ковре у моих ног с электропроводящим маркером, линейкой и распределительной коробкой.

Энглтон грозно наклоняется к камере, так что почти заслоняет экран:

– Наверняка ты слышал о корпорации «TLA Systems», Боб. По крайней мере, твои жалобы на их сервер управления лицензиями дошли в прошлом июле до ревизионного комитета, и мне пришлось принять предупредительные меры, чтобы там не дали ход полномасштабному расследованию.

Ой-ой. Ревизоры заметили? Я этого не хотел. Теперь понятно, почему Энди так на меня разозлился. Когда я не корчу из себя секретного агента на службе Ее Величества и не езжу на заседания комитета в Дармштадт, работа у меня очень скучная: я занимаюсь настройкой сетей, и когда я увидел, что этот проклятый менеджер лицензий пытается выйти в общий Интернет, чтобы пожаловаться, что у нас запущено слишком много копий их мониторингового клиента, я так взбесился, что добавил в копию письма всех, кого только мог.

– Как известно, – Боб, не спи там на задней парте, – эту корпорацию основали в 1979 году Эллис Биллингтон и его партнер Ричи Мартин. Ричи занимался программированием, а Эллис управлением, поэтому сейчас состояние Эллиса оценивается в семнадцать миллиардов долларов США, а Ричи живет в общине хиппи в Орегоне и отказывается планировать дальше, чем позволяют солнечные часы.

Землистое лицо Энглтона сменяется фотографией Биллингтона в обычной надутой позе, которую директора компаний принимают, чтобы произвести впечатление на журналистов «Уолл-стрит джорнэл». В улыбке он показывает столько зубов, что испугался бы мегалодон, и для шестидесятилетнего бизнесмена выглядит настолько хорошо, что можно заподозрить, что где-нибудь в Нью-Мексико он прячет портрет, от одного взгляда на который можно поседеть.

– Корпорация «TLA» сначала конкурировала на рынке реляционных баз данных с «Ingres», «Oracle» и другими семью гномами, но вскоре обнаружила золотое дно в федеральных системах – в частности, на рынке ГТО⁷.

В девяностые многие государственные организации пытались сэкономить и разрешали своим айтишникам покупать только коммерческое, готовое ПО. Потому что они наконец сообразили, что дешевле купить готовый текстовый редактор, чем платить за разработку подрядчикам минобороны. Пережив естественное потрясение и ужас от того, что их отодвинули от корыта, эти подрядчики начали выпускать ГТО-продукты – якобы коммерческое ПО, доступное всем, кто готов за него заплатить: например, текстовый редактор за полмиллиона долларов, зато с встроенным шифрованием военного образца и набором удобных шаблонов, в частности для составления правил применения вооружений, объявления войны и заключения коммерческих договоров с подрядчиками минобороны.

– «TLA» быстро набирала обороты и среди прочего поглотила «Moonstone Metatechnology», которая являлась одним из главных гражданских подрядчиков Черной комнаты.

Ого-о-о. Вот теперь я весь внимание. На экране снова возникает усохшее, как у мумии, лицо Энглтона. И выражение этого лица серьезное.

– Сам Биллингтон из Калифорнии. Его родители в свое время состояли в ордене Серебряной Звезды, хотя сам Биллингтон называет себя методистом. Как бы там ни было на самом деле, у него заоблачный уровень допуска, и его корпорация разрабатывает жутковатые устройства для многих тайных организаций. Я бы привел сводки из досье ХРУСТАЛЬНЫЙ ВЕК, если бы ты был в Лондоне, но – потом посмотришь. Пока что поверь мне на слово, Биллингтон в игре.

Кадр плавно сменяется слева направо – старая, нечеткая фотография корабля... бурового корабля? Танкера? Что-то вроде того. В общем, здоровенное судно с чем-то похожим на буровую вышку у миделя. (Что бы оно ни значило, мне нравится это слово, «мидель». Будто я отлично понимаю, что несу. На самом деле я с кораблестроением примерно в тех же отношениях, в каких ваша бабушка с Windows Vista.)

– Это «Гломар Эксплорер». Его построила корпорация «Сумма», которой владел Говард Хьюз, по заказу ЦРУ в семидесятые. Официально его задачей был подъем затонувшей советской ядерной подводной лодки со дна Тихого океана. – Новый кадр с чем-то похожим на стальную мокрицу на море. – К нему прилагалась баржа для подводных работ, построенная, что тебе будет любопытно, ракетно-космическим подразделением компании «Локхид».

Я подаюсь вперед, забыв про изоленту, которой примотан к креслу.

– Очень клево, – восхищенно говорю я. – Я ее, кажется, видел на канале «Дискавери».

Энглтон откашливается.

– Если это все, позволь продолжить.

Как, ну как ему это удастся?

– Операция ДЖЕННИФЕР, первая попытка поднять эту подлодку, увенчалась частичным успехом. Я был там в качестве младшего агента по двустороннему договору о бентосе. Сотрудники ЦРУ были... слишком оптимистичны. К чести Черной комнаты, следует сказать, что она не позволила втянуть себя в эту авантюру, а к чести другой стороны договора, что

⁷ *Gran Turismo Omologato (um.)* – «допущенный к гонкам», соответствующий особым стандартам. – *Прим. пер.*

она воспользовалась минимально необходимой силой, чтобы не допустить подъема субмарины. Когда Сеймур Герш и Джек Андерсон предали эту историю огласке в «Лос-Анджелес таймс» через несколько месяцев, в ЦРУ сдались: «Гломар Эксплорер» был официально признан собственностью правительства США и сдан на консервацию, судьба баржи неизвестна – официально она пошла «на утилизацию», – и мы думали, на том дело и кончилось.

Закончив рисовать пентакль вокруг моего кресла, Пинки дает сигнал, что подключил его к генератору изохронного сигнала – показывает два больших пальца Борису. Борис захлопывает крышку ноутбука и берет его под мышку.

– Теперь запутывание, – говорит он мне, – инструктаж продолжим потом.

– Ого! А она-то... – Киваю в сторону стены, за которой лежит спящая красавица, затем кошусь на ноутбук. – Она-то тут при чем?

– Если бы слушал инструктаж, понял бы, – ворчит Борис. – Брейн, Пинки, по местам.

– Ну, удачи тебе, Боб. – Пинки хлопает меня по плечу и убегает в небольшой защитный круг, который он соорудил на ковре возле телевизора. – Все будет в порядке – вот увидишь.

Брейн и Борис уже в своих кругах.

– А что, если в тот номер кто-то вошел? – спрашиваю я.

– Дверь заперта. И я повесил табличку «Не беспокоить», – отвечает Брейн. – Все на местах?

Он достает черный пульт и поворачивает на нем переключатель. Я заставляю себя расслабиться в кресле; в номере за стеной с просверленными дырками загорается очень особый свет, окутывая существо в пентакле.

Когда вы вызываете сущности из других измерений, нужно принимать некоторые меры предосторожности.

Во-первых, забудьте про чеснок, свечи и священные книги: это все не работает. Для начала следует озаботиться хорошей изоляцией, чтобы вызванная сущность вам мозги не вышибла через уши. Когда вы себя заземлили, нужно обратить внимание на особые оптические широкополосные каналы, по которым демоны могут попробовать загрузиться в вашу нервную систему, – они называются «глаза». Делить свой гипоталамус с чужеродным мозгоедом не рекомендуется, если вы планируете все-таки выйти на обещанную государством пенсию; с точки зрения безопасности это как плясать на третьем рельсе лондонской подземки. В общем, оптическую изоляцию тоже следует обеспечить.

И не смотрите в резонатор лазера оставшимся глазом, как рекомендует инструкция. Большинство демонов тупые, как мешок с молотками. Это не значит, что они безопасны – компилятор C++ тоже очень «безопасен» в руках увлеченного пятикурсника. Есть люди, которые могут поломать все что угодно, а вычислительная демонология подразумевает очень неприятный оттенок в таких словах, как «антивирус» или «утечка памяти».

В общем, я самым серьезным образом опасаюсь того, что Борис, Пинки и Брейн собираются со мной сделать. (И очень, очень зол на Энглтона, который им это приказал.) Тем не менее приходится признать, что они более чем компетентные кибермаги и не забыли о мерах безопасности. Сущность, именующая себя Рамоной Рандом, – черт, это даже может быть ее настоящее имя, может, так ее звали, когда она еще была человеком, до того, как Черная комната превратила ее в оккультный аналог управляемой ракеты, – соответствующим образом зафиксирована в соседней комнате. В шкафу – перед двумя дырками, которые просверлил в стене Брейн, – стоит треножник с лазером, светоделительной пластиной и термостатическим боксом, содержащим культуру ткани, выращенной из создания, которого и вовсе не должно быть на свете. И все это подключено к плате, которая выглядит так, будто ее придумал Эшер, обьевишись ЛСД.

– Все готовы? – спрашивает Брейн.

– Готов, – отзывается Борис.

– Готов, – вторит ему Пинки.

– Вообще не готов! – кричу я.

– Спасибо, Боб. Пинки, как там удаленный терминал?

Пинки смотрит на маленький дешевый телеэкран, подключенный к приемнику.

– Слюни пускает. Думаю, она спит.

– Хорошо. Свет.

На обратной стороне платы начинает мигать диод, и я краем глаза замечаю, что Брейн управляет им при помощи пульта от телевизора. Умно, успеваю подумать я, прежде чем он нажимает следующую кнопку.

– Кровь.

Что-то начинает течь из бокса, шипит на странном соединении на плате, которое вдруг вспыхивает серебристым светом. Я пытаюсь отвернуться, но сияние приковывает мой взгляд, как пузырек кипящей ртути, который вдруг надувается и заполняет весь мир. А потом, будто слепое пятно, растет, охватывает всю голову до затылка.

– Символическая связь установлена.

В нос мне бьет сильнейший запах фиалок, и по спине бежит целая орда мурашек, которые затем все забираются мне в живот, чтобы свить там гнездо.

«Привет, Боб».

Этот голос ласкает мне уши – как бархатный пух на сорванном неделю назад баклажане, знойном, но с гнильцой в глубине. Мне сводит кишки. Я ничего не вижу, только водоворот света, а фиалки разлагаются на что-то неописуемое.

«Ты меня слышишь?»

«Слышу».

Я прикусываю язык и чувствую вкус звука стальных гитар. Рассеянно отмечаю: синестезия. Я о таком читал: если бы ситуация не была такой опасной, это было бы захватывающе интересно. Тем временем моя правая рука напрягается и пытается разорвать изоляцию – без моей воли. Я пытаюсь ее остановить, но не могу.

«Оставь мою руку в покое, будь ты проклята!»

«Я уже проклята», – легкомысленно отвечает она, но мои мускулы перестают сокращаться.

И тогда я понимаю, что не шевелил губами, а Рамона – что еще важнее – не говорила этого вслух.

«Как это контролировать?»

«Воля становится действием: если ты хочешь, чтобы я тебя услышала, я слышу».

«Ого».

Светомузыка замедляется, по краям начинает проступать реальность. Такое чувство, будто кто-то вогнал мне в голову железнодорожную шпалу.

«Меня тошнит».

«Не делай этого, Боб!»

Ее голос звучит – или ощущается? – тревожно.

«Ладно».

«Постарайся не думать о невидимых розовых слонах», – мрачно думаю я, и по коже бежит холодок, когда я осознаю последствия. Только что меня забросили в неуправляемый телепатический контакт с женщиной – или чем-то, что выглядит женщиной, – из Черной комнаты, а я такой ботан, что даже не подумал, что нужно бежать отсюда со всех ног.

Зачем это Энглтону? Он же создает гигантскую информационную утечку – если, конечно, мы оба выживем. Как же мне не пускать Рамону к себе в голову?..

«Эй, хватит меня во всем винить! – Я чувствую, что ее раздражает ход моих мыслей. – У меня тоже голова болит».

«Так почему *ты* не сбежала?» – вырывается у меня, прежде чем я успеваю заглушить эту мысль.

«Мне не дали такого шанса. – Я чувствую горький металлический привкус. – Я не совсем человек. На нелюдей конституционные права не распространяются. Скажу только, что этим ублюдкам лучше надеяться, что я никогда не освобожусь от этого зарока...»

Я чувствую, что сплевываю, и только потом понимаю, что теплые железы у нее в гортани – вовсе не слюнные протоки.

– Боб.

Я ошалело моргаю. Это Брейн. Смотрит на меня из своего заземленного пентакля.

– Ты меня слышишь?

– Да-да.

Я пытаюсь сглотнуть, и ощущение мешочков с ядом у меня за щекой ослабевает. Вздрагиваю. Чувствую след огорчения Рамоны и злое хихиканье: клыков у нее нет, просто очень хорошее соматическое воображение.

«Дай я приду в себя», – говорю я ей, а потом пытаюсь послать невидимого розового слона куда-то в ее сторону.

– Как ты себя чувствуешь? – с любопытством спрашивает Брейн.

– А как, мать твою, я себя должен чувствовать? – рычу я. – Господи Иисусе, дай мне ибупрофен или хорошую бритву. У меня голова раскалывается. – Потом я понимаю еще кое-что. – И освободи меня. Кто-то должен пойти в соседний номер и освободить Рамону, и я не думаю, что кто-то из вас, парни, захочет подойти к ней на расстояние плевка – без стула, хлыста и баллончика слезоточивого газа.

Я вспоминаю, как она ненавидит свое начальство, и снова вздрагиваю. Работать с Рамоной – это как ехать в дамском седле на черной мамбе. И это только до того момента, когда мне придется сказать Мо: «Дорогая, они назначили мне в напарницы демоницу».

3: Запутались по уши

Ребята не отвязывают меня от кресла, пока не начинает действовать ибупрофен, – вот какие тщательные и осторожные.

– Ладно, – говорю я, откидываясь на спинку и глубоко вздыхая. – Борис, что вообще происходит?

– Это чтобы она тебя не убила, – мрачно сообщает Борис; он явно раздражен – как и я. – И чтобы создать неотслеживаемый канал связи для задания, о котором ты ничего не знаешь, потому что...

Он показывает на лэптоп, и я вдруг понимаю, почему он так раздражен: Энглтон не пошутил, когда написал, что инструкции самоуничтожатся.

– Вот твой билет на самолет, открытый, на ближайшее свободное место. Дальнейшие инструкции получишь на Сен-Мартене.

Он вручает мне книжечку с авиабилетами.

– Где? – я чуть их не роняю.

– Нас отправляют на Карибы! – радуется Пинки, даром что не кувyrкается. – Солнышко! Песочек! И надувательство! И нам дали игрушки!

Брейн методично собирает оборудование, укладывая его по частям в большой чемодан на колесиках. Его явно что-то забавляет. Я пытаюсь перехватить взгляд Бориса: он смотрит на Пинки то ли с восхищением, то ли с жалостью, то ли и с тем, и с другим.

– А «на Карибы» – это куда именно? – спрашиваю я.

Борис встряхивается.

– Совместная операция, – объясняет он. – Европейская территория, франко-голландское правительство – нас туда пригласили. Но Карибское море – американское. Поэтому Черная комната прислала нам Рамону.

Я морщусь:

– Скажи мне, что ты шутишь.

Вмешивается другой голос, не слышный всем остальным:

«Эй, Боб! Я все еще тут. Девушку нельзя заставлять долго ждать».

У меня возникает ощущение, что заждавшаяся Рамона может вести себя очень плохо, так плохо, что последствия никакая страховка не покроеет.

– Не шучу. Совместная операция. Много возни. – Он аккуратно берет свой мертвый ноутбук и прячет в портфель. – Завтра иди на комитет, возьми протоколы, потом езжай в аэропорт и улетай. Рапорт по итогам заседания подашь потом, когда спасешь мир.

– Уф. Лучше я сейчас пойду и выпущу Рамону из клетки.

«Уже иду», – телепатирую я ей.

– Насколько ей можно доверять?

Борис сухо улыбается:

– Насколько можно доверять гремучей змее?

Я выхожу в коридор, хотя голова у меня по-прежнему раскалывается, а мир слегка плывет по краям. Кажется, я теперь догадываюсь, что это была за вспышка энтропии. Я останавливаюсь у дверей своего номера, но ручка больше не покрыта жидким азотом, а просто холодная.

Рамона сидит в кресле напротив стены с дырками. Она мне улыбается, но в глазах нет и следа этой улыбки.

«Боб. Выпусти меня отсюда».

Вокруг кресла нарисован пентакль, подключенный к компактному синему генератору шума. Он по-прежнему работает – Брейн не подключил его к своему пульту.

«Минутку. – Я сажусь на кровать напротив нее, сбрасываю кроссовки и потираю виски. – Если я тебя выпущу, что ты собираешься сделать?»

Улыбка становится шире.

«Ну, лично... – она косится на дверь, – ничего особенного».

На миг у меня перед глазами встает очень неприятная картина, в которой фигурируют острые как бритва ножи и потоки артериальной крови, но потом она ее приглушает (почти с сожалением), и я понимаю, что она думала о ком-то другом, кто находится очень далеко отсюда.

«Честно».

«Второй вопрос. Кто твоя настоящая цель?»

«Ты меняпустишь, когда мы доиграем в эти двадцать вопросов? Или у тебя что-то другое на уме?»

Она кладет ногу на ногу и внимательно следит за мной. «Все парни, с которыми я спала, умирали меньше чем за двадцать четыре часа», – вспоминаю я.

«Я не шутила», – добавляет она.

«Я так и подумал. Я просто хочу знать, кто твоя настоящая цель».

Она фыркает.

«Эллис Биллингтон. Тебе что за дело?»

«Пока не знаю. Давай проведем еще один, последний эксперимент?»

«Какой?»

Она привстает, когда я поднимаюсь с кровати, но защитное поле не дает ей двинуться ко мне.

«Эй! Ай! Скотина!»

У меня слезы наворачиваются на глаза. Я хватаюсь за правую ногу и жду, пока стихнет боль от удара о ножку кровати.

Рамона тоже согнулась и держится за ногу.

«Ясно», – бурчу я, а потом становлюсь на колени и выключаю генератор.

Мне не очень хочется это делать: честно говоря, я себя чувствую намного безопаснее, когда Рамона сидит в пентаграмме, и от одной мысли, что ее придется выпустить, мурашки бегут по коже, но кое-что про это запутывание уже вполне понятно – помимо того, что мы можем говорить так, что нас не подслушают, есть и другие (куда менее приятные) побочные эффекты.

«Ты же не мазохист, правда?» – уточняет она, ковыляя в сторону ванной комнаты.

«Нет».

«Хорошо».

Она захлопывает за собой дверь. Через несколько секунд я в ужасе хватаюсь за промежность, потому что меня охватывает легко узнаваемое ощущение, с каким опорожняется полный мочевого пузыря. Секунды уходят на то, чтобы понять – не мой. Пальцы-то у меня сухие.

«Вот сука!»

Кажется, в эту игру могут играть двое.

«Сам виноват, что заставил меня ждать».

Я тяжело вздыхаю:

«Слушай. Это вообще не моя идея...»

«И не моя!»

«...поэтому давай заключим перемирие?»

Молчание, окрашенное острым нетерпением.

«Видишь, рано или поздно даже до тебя все доходит, обезьяныш».

«Да что ты заладила: „обезьяныш“ да „обезьяныш“?» – возмущаюсь я.

«А что там с нечеловеческой кровососущей демоницей? – ядовито парирует она. – Не лезь ко мне в голову со своим ханжеским религиозным бредом, и я оставлю твой мочевого пузырь в покое. По рукам?»

«По рукам. Но никакой я не религиозный ханжа. Я атеист!»

«Ага, а конь, на котором ты приехал, – член коллегии кардиналов».

Я слышу за дверью шум спускаемой воды и вспоминаю, что мы на самом деле не разговариваем вслух.

«В Бога ты, может, и не веруешь, зато веришь в Преисподнюю. И считаешь, что там место таким, как я».

«А ты разве не оттуда?..»

Дверь открывается. Чары на ней не ослабли: выглядит Рамона так, будто только на минуту отлучилась с модной вечеринки, чтобы припудрить носик.

«Об этом поговорим в другой раз, Боб. Ты можешь просто заказать еду, если проголодался, а мне необходимы более сложные приготовления. Увидимся завтра».

Она берет с прикроватного столика свою сумочку и уходит.

– Мо...

– Привет! А где... погоди минутку... Боб? Ты здесь? Я собиралась принять ванну. Как дела?

Я сглатываю.

– На меня только что упала примерно тонна конского навоза. Ты видела Энглтона на этой неделе?

– Нет. Меня опять поселили в отеле «Морской черт», тоска зеленая – ты же знаешь, в Данвиче вечером все вымирает. Так что опять задумал Энглтон?

– Я... кхм, ну, я приехал... в Дармштадт... и обнаружил... – Еще раз проверяю телефон, чтобы убедиться, что мы говорим в защищенном режиме. – ...что меня ждут новые приказы, а также опека Бориса и двух чокнутых мышат. Чуть не слетел в кювет по дороге сюда и... ну...

– Попал в аварию?

– Вроде того. В общем, я отсюда полечу в другое место, а не домой. Не смогу вернуться на выходные.

– Вот черт.

– Ровно это я и подумал.

– А куда тебя отправляют?

– Сен-Мартен, Карибы.

– Что-о?

– Дальше хуже.

– А я хочу это слышать, любимый?

– Скорее всего, нет.

Пауза.

– Ладно. Я сажусь.

– Совместная операция. Они на меня повесили агента Черной комнаты.

– Но... Боб! Это же дурдом! Так не бывает! Никто даже не знает, как на самом деле называется Черная комната! «Такой организации не существует» помножить на «Перед прочтением сжечь». Ты что, хочешь сказать...

– Я не получил полный инструктаж. Но, похоже, будет все нехорошо, примерно в масштабах Амстердама нехорошо.

Невольно ежусь. Наша короткая поездка в Амстердам чуть не закончилась мировой катастрофой.

– Думаю, ты знаешь, что Черная комната специализируется на том, чтобы убрать человека из человеко-часов? Големы, удаленное наблюдение и тому подобное, никогда не отправляй живого агента на задание, с которым может справиться зомби? В общем, ко мне приставили агента, который, ну, с экзистенциально ограниченными возможностями. Повесили на меня демона.

– Господи, Боб.

– Ага. Но он не берет трубку.

– Поверить не могу. Вот уроды.

– Послушай, у меня такое чувство, что дело нечисто, и мне нужен человек, который прикроет мне спину, а не будет думать, как вонзить туда клыки. Можешь незаметно покопать, когда вернешься в контору? Спросить у Энди? Заведует всем, кстати, Энглтон.

– Энглтон. – Голос Мо звучит ровно и холодно, так что у меня волосы встают дыбом на загривке. У нее много поводов не любить Энглтону, и дело может обернуться плохо, если она решит дать своим чувствам ход. – Можно было догадаться. Давно пора показать этому ублюдку берега.

– Не трогай его! – решительно перебиваю я. – Ты вообще не должна этого знать. Не забывай, ты знаешь только, что меня отправили куда-то на задание.

– Но ты хочешь, чтобы я приложила ухо к земле и слушала, не сходит ли где-то с рельсов поезд.

– В общем, да. Я по тебе скучаю.

– Я тебя тоже люблю. – Пауза. – И что это за агент Черной комнаты, что ты так расстроился?

Ой-ой. Ничего от нее скрыть не получается.

– Во-первых, она чокнутая, как африканский хорек. Туча магии, постоянно в чарах – третьего уровня, как мне кажется. В рамках ее держит только гейс размером с Монтану. Она не по своей воле действует.

– Та-ак. Что еще?

Я облизываю губы:

– Борис, кхм, применил к нам какой-то протокол фатумной запутанности. Я не успел убежать.

– Фатумной... чего? Запутанности? Что это?

Я набираю полную грудь воздуха.

– Точно не знаю, но я бы хотел, чтобы ты это выяснила и рассказала мне. Потому что мне от него не по себе.

Вечер только начался, но происшествие с Рамоной меня потрясло, и я не очень хочу снова столкнуться с Пинки и Брейном (они, правда, уже, наверное, собрались и уехали – из-за стены соседнего номера слышен какой-то стук). Я решаю засесть у себя в номере, зализывая раненую гордость, поэтому заказываю картонный чизбургер, долго отмокаю под душем, смотрю совершенно незапоминающийся фильм по телевизору и ложусь спать.

Я обычно не запоминаю своих снов, потому что они, как правило, сюрреалистические или невразумительные: двухголовые верблюды крадут мой флаер, крылатые головоногие боги объясняют, почему я должен принять приглашение на работу от «Microsoft», и все в таком духе, но этот отличается убийственным, скребущим реализмом. Ничего страшного в том, чтобы быть во сне собой. И в том, чтобы мне снилось, будто я сотрудник большой международной компании-разработчика, проклятой и поработанной древним злом. Но вот когда мне снится, что мне слегка за пятьдесят и я толстый немец из отдела продаж одной инженерной фирмы в Дюссельдорфе, это настолько не в порядке вещей, что впору себя ущипнуть. Я приехал на региональную конференцию по продажам, пью и гуляю на полную катушку. Я люблю такие кон-

ференции: можно сбежать от Хильды и победокурить, как в молодости. Официальный обед закончился, так что я ухожу с парой молодых ребят, которых едва знаю, и с ними попадаю в казино. Я обычно много не играю, но тут мне везет, а женщины обожают везунчиков; бренди, панателла и красotka, прижавшаяся к моему плечу, – девочка по вызову, natürlich, но шикарная. В общем, я счастлив. Она наклоняется ко мне и говорит, что уже можно обратить выигрыш в наличные, и это отличная идея. Если я продолжу играть, рано или поздно удача ведь мне изменит, верно? Вот на нее я выиграю и потрачу.

Мы в лифте, поднимаемся в мой номер на четырнадцатом этаже, а она ко мне прижимается. Я такой гладкой кожи не касался... слишком давно. Хильда никогда такой не была, а после рождения детей из всего ее тела я только острый язык и видел, так что имею полное право слегка повеселиться. Крошка обвила меня руками под пиджаком, и я уже чувствую формы ее тела под платьем. *Ух ты.* Вот ведь незабываемый день выдался! Мы еще некоторое время обжимаемся, а потом я веду ее в свой номер – на цыпочках: она хихикает и советует не шуметь, чтобы не перебудить соседей. Я открываю дверь, а она говорит, мол, иди в ванную и жди, пока я приготовлюсь. *Сколько хочешь?* – спрашиваю я. Она качает головой и отвечает: *Две сотни, но только если мне понравится.* Ну как отказаться от такого предложения?

В ванной я снимаю ботинки, пиджак и галстук – хватит. Она зовет, говорит, что готова, и я открываю дверь. Она лежит на кровати в соблазнительной позе, но так, чтобы меня видеть. Она сняла платье: гладкие бедра в тугих чулках и водопад шелковистых маисовых волос, глаза голубые, как ледяные бриллианты, в них хочется упасть и утонуть.

Сердце у меня колотится так, будто я только что пробежал марафон или у меня сейчас будет инфаркт. Она улыбается мне – голодной, жадной улыбкой; я делаю шаг вперед. По спине бежит липкий холодный пот, а эрекция такая, что даже больно – будто стальной болт вбили в промежность. Я хочу ее так, как никогда не хотел ни одну женщину. Еще шаг. Еще.

Она улыбается и становится на колени передо мной, открывает рот, чтобы принять меня. Я до смерти боюсь ее прикосновения, хоть и жажду его. Как плясать на третьем рельсе, осоловело думаю я и пытаюсь заставить парализованные ребра впустить в грудь воздух, когда она прикасается ко мне.

– А-а!

Я открываю глаза. В номере темно, сердце колотится как бешеное, я лежу в луже холодного пота с дикой эрекцией и жутким чувством ужаса, сдавившим мне грудь.

– А!

Я могу только слабо стонать. Я брыкаюсь, но потом сдираю с себя мокрое покрывало.

У меня эрекция – и это не просто стояк от эротического сна, а такой, будто кто-то прицепил ко мне коровью автодоилку.

– Ух.

Я начинаю садиться, чтобы пойти в ванную и вытереть спину полотенцем, но тут же кончаю.

Жутко и чудесно, никогда у меня не было такого оргазма. Он все тянется и тянется, касается чего-то такого внутри меня, чего ничто никогда не касалось, но так сильно, что вскоре это становится невыносимо. Есть в нем что-то окончательное – неповторимое, финальная точка в жизни. Когда он начинает спадать, я тихонько всхлипываю и тянусь к промежности. Сюрприз: у меня по-прежнему эрекция – и кожа сухая.

Холодея, понимаю: это не я. Это Рамона! И я испуганно хватаюсь за свой член. Далекий смех.

«Давай, можешь подрочить».

У нее в животе собирается теплый комок удовлетворения.

«Ты же этого очень хочешь, да?» – думает она, облизывая губы и посылая мне вкус спермы; потом я чувствую, как она протягивает руку и накрывает покрывалом лицо мертвого бизнесмена.

Я успеваю добраться до ванной и поднять крышку унитаза, прежде чем сбить. Желудок ходит ходуном и пытается выбраться через пищевод. Все парни, с которыми я спала, умирали меньше чем за двадцать четыре часа – так она сказала, и теперь я знаю почему. В одном она права: как бы меня ни тошнило, эрекция никуда не делась. Вопреки всему: вопреки ужасу, вопреки тайному чувству вины, – то, что сделала Рамона, принесло мне наслаждение. А теперь я себя неизменно чувствую виноватым перед Мо, потому что я вообще-то не искал приключений на стороне, – и грязным, потому что это было восхитительно.

Утечка от Рамоны завела меня во сне, но блюю я сейчас потому, что это был не секс: она пожирала сознание этого парня, и он умер, она от этого кончила, и мне это принесло наслаждение. Мне хочется отдраить свои мозги стальной щеткой, забиться в глубокую нору и повторить это еще раз... это все потому, надеюсь я, что мы с ней запутаны, но альтернатива хуже: есть такие вещи, которые я о себе знать не хочу, например постыдное пристрастие к извращенному демонскому сексу.

Очень надеюсь, что Мо выяснит, что это запутывание можно распутать обратно. Потому что иначе, когда мы в следующий раз окажемся в постели... лучше сейчас об этом не думать.

Я провожу беспокойную ночь, верчусь и кручусь в мокрой постели, хотя оставил ловец снов скринсейвером на планшете. К рассвету я довел себя почти до нервного срыва: и не потому, что пытался не думать о невидимых розовых слонах (подвида каннибалы), а потому, что гадал, зачем Энглтон бросает меня на Сен-Мартен. Я даже не знаю, где это.

При этом нужно еще пойти на заседание комитета. И как мне представлять свою организацию, если я даже засыпать боюсь?

Я чудом умудряюсь влезть в костюм – неудобно, но необходимо для зарубежных командировок, – а потом спуститься в ресторан на завтрак.

Кофе, мне нужен кофе! И свежий выпуск газеты «Индепендент», который прилетел из Лондона ночным рейсом. В ресторане все организовано по-немецки эффективно; персонал меня не трогает, за что я им благодарен. Без четверти девять я уже почти чувствую себя человеком. Заседание по оптимистичному плану должно начаться через пятнадцать минут, но я думаю, что половина делегатов в это время еще будет жевать завтрак. Поэтому я прихожу в холл, где раздают бесплатный Wi-Fi, чтобы посмотреть почту, и там сталкиваюсь с Францем.

– Боб? Это ты?

Я глупо моргаю.

– Франц?

– Боб!

Мы пожимаем друг другу руки, отставив в стороны свои кейсы и сместив центры тяжести, как пара взвинченных курочек, которые меряются хвостами во дворе.

Раньше я Франца в костюме не видел, да и он меня тоже. Мы с ним познакомились на обучающем семинаре полгода назад, когда он вернулся из Гааги. Он натуральный голландец – очень высокий и говорит на куда более правильном, бибисишном, английском, чем я.

– Не ждал тебя тут встретить.

– Ты, наверное, приехал на совместный комитет?

– Я тебе покажу свой, если ты мне покажешь свой, – шутит он. – Я хотел купить открытку, прежде чем подниматься вверх... подождешь?

– Конечно, – отвечаю я и слегка расслабляюсь. – Ты на таких заседаниях бывал уже?

– Нет. – Он рассеянно вращает стенд, разглядывая один за другим живописные пряничные замки. – А ты?

– На одном-единственном. О нем нельзя говорить вне школы, но какого черта.

Франц находит открытку с полногрудой немецкой фрау с парой внушительных кружек.
– Вот эту возьму.

Он подзывает ближайшего продавца и тархтит что-то, видимо, на превосходном немецком. Мой планшет заканчивает проверять почту, сбрасывает в корзину спам и звенит, чтобы привлечь мое внимание. Я потираю висок и завистливо смотрю на Франца. У него-то небось не было бы никаких проблем с Рамоной: он пугающе умен, добродушен, проницателен, красив, воспитан и со всех сторон компетентен. Не говоря уж о том, что способен перепить меня и очаровать до розовых ушей кого угодно. Он явно далеко пойдет в оккультном подразделении ОСРБ, станет замдиректора, а я все еще буду Энглтону каталожные ящички полировать.

– Готов? – спрашивает он.

– Вроде да.

Мы поднимаемся на лифте и идем в конференц-зал. Он на четвертом этаже. Если вы думаете, что это слишком легкомысленный подход к секретному заседанию, учтите, что отель прошел все проверки безопасности, а местные спецслужбы выкупили соседние комнаты и номера под и над нашим залом. Да и вопросы национальной безопасности мы обсуждать не планируем.

Мы с Францем пришли слишком рано. На столике красуются кофейник и поднос с чашками, рядом с главным столом проектор и экран, а также удобные кожаные кресла, в которых можно уснуть. Я занимаю место с краю напротив окон, из которых открывается заманчивый вид на центр Дармштадта, и кладу свой планшет на кожаный коврик рядом с блокнотом от отеля.

– Кофе будешь? – спрашивает Франц.

– Да. С молоком и без сахара, пожалуйста.

Я беру распечатку с повесткой дня и тащу с собой.

– Какой порядок? – спрашивает Франц, и, кажется, ему действительно интересно.

– Ну, сперва мы предъявляем друг другу карты, подтверждающие наши полномочия. Потом председатель приказывает закрыть двери. – Я показываю рукой на дальний конец зала. – Туалет там. Председательствует сегодня... – листаю страницы, – Италия, значит Анна, если только она не заболела и не прислала заместителя. Думаю, она тянуть резину не станет. А потом переходим к делу.

– Понятно. А протоколы?..

– Все стороны должны привезти свои экземпляры на CD-дисках. Принимающая организация⁸ предоставляет секретаря, на этот раз этим занимается ГСА.

Франц хмурится:

– Прости, но все это звучит так, будто само заседание... ненужно? Мы могли бы все переслать по электронной почте.

– Ага, – пожимаю плечами, – но тогда мы бы не смогли заниматься настоящим делом за кофе с печеньем.

Его лицо проясняется.

– А! Теперь понятно...

Дверь открывается.

– Чао, ребята!

Это Анна, невысокая, полненькая и, судя по красным глазам, слегка похмельная.

– Голова трещит. Где все? Давайте не будем затягивать.

Она семенит к кофейнику.

– Передай Эндрю, что он ужасный, ужасный человек, – сурово говорит она мне.

⁸ Официально «*Geheime Sicherheit Abteilung*» – тайная служба безопасности, но все ее называют просто Фауст-Фронт.

– Что он натворил на этот раз? – спрашиваю я, готовясь к худшему.

– Перепутал, когда у меня день рождения! – она сверкает глазами и белозубой улыбкой. – Это, как говорится, ошибка на единицу.

– Ага, угу, м-да, понятно, – пожимаю плечами я.

Мне по-прежнему неуютно в таких ситуациях. Большинство людей здесь еще полгода назад были на несколько рангов выше меня, и половина из них все еще старше меня по званию. Я тут младший делегат и занял место Энди, который раньше был моим начальником.

– Когда я его видел в последний раз, он был немного занят. Упахался, пока занимался выбросом из... – Я прочищаю горло.

– Все понятно!

Анна хлопывает меня по руке и идет здороваться с другими делегатами, которые уже входят в зал. По идее у нас тут должен быть полный набор сотрудников безопасности из Испании, Брюсселя и восточных стран НАТО, но сегодня почему-то явка непривычно низкая.

Подходят все новые делегаты, поэтому я торопливо иду к своему месту.

– Кто это? – тихонько спрашивает Франц и кивает на дверь.

Я быстро оглядываюсь, а потом смотрю еще раз: это Рамона. Ее не узнать: в деловом костюме, волосы зачесаны назад, но все равно, как только я оказался так близко от нее, у меня мурашки бегут по спине.

– Это, кхм, мисс Рандом. Наблюдатель. Почетный гость.

У меня дергается щека, и Франц пристально глядит на меня поверх своих очков без оправы.

– Ясно. Мне не говорили, что мы ждем гостей такого рода.

У меня такое чувство, что он видит куда больше, чем я ему сказал, но я не могу сказать больше.

«Привет, милый, выспался?» – спрашивает Рамона.

Я вздрагиваю и только потом понимаю, что она все еще стоит на другом конце зала, спокойно наливает себе чашку кофе и улыбается Анне.

«А уж ты мне в этом как помогла!»

Я слышу звук отрыжки.

«Девушке нужно иногда есть».

«Да, но обжираться по ночам...»

Невидимые розовые слоники. Думай о невидимых розовых слониках, Боб. Думай о невидимых, розовых, подрагивающих слониках в ночи – нет, отставить дрожание! Я растерянно сажусь.

– Что-то случилось? – спрашивает Франц.

– Вчерашний ужин мне покоя не дает, – слабо отвечаю я.

Ужин Рамоны, если быть точным: *pâté de gros ingénieur*⁹.

– Все будет в порядке, если я посижу.

Теперь по спине у меня разливается жар. Я смотрю на нее через зал, и Рамона совершенно спокойно встречает мой взгляд.

Делегаты подходят к столу, кажется, следуя моему примеру. Проклятая Рамона просачивается ближе и занимает кресло рядом со мной, а потом решительно смотрит на другой конец стола, где сидит Анна.

– Чао, ребята. Сегодня у нас много пустых мест и новых лиц! Начинаем заседание. Прошу положить значки на стол.

⁹ Паштет из толстого инженера (фр.) – прим. пер.

Анна твердо обводит взглядом собравшихся, и разговоры стихают. Я лезу в карман и кладу на стол свое удостоверение из Прачечной. Все остальные тоже предъявляют свои документы: воздух дрожит и звенит от магии.

– Excuse moi, – наклоняется через стол к Рамоне Франсуа. – У вас есть документы?

Рамона просто смотрит на него.

– Нет. В нашей организации не принято выдавать удостоверения.

Теперь к Рамоне повернулись уже все. Я откашливаюсь.

– Я за нее ручаюсь, – слышу я собственный голос. – Рамона Рандом... – Слова сами возникают у меня в мозгу: –...Директорат зарубежных операций, Аркхэм.

«Спасибо, – беззвучно говорю я ей, – а теперь пошла вон из моей головы».

– Она здесь по прямому приглашению моего отдела в качестве полноправного наблюдателя в соответствии с четвертой статьей Договора о бентосе.

Рамона сухо улыбается. По столу бежит шепоток.

– Тише! – приказывает Анна. – Я рада приветствовать... нашего наблюдателя. – Она выглядит взволнованной. – Было бы хорошо, если бы в будущем вы все же могли представить какие-то документы, но... – она с надеждой смотрит на меня, – я уверена, что на этот раз со всем разберется начальство Роберта.

Я киваю. Сам я ничего не могу сделать, но тут во всем виноват проклятый Энглтон, а он вхож на Красный ковер. Пусть сами там и разбираются.

– Отлично! – Анна хлопает в ладоши. – Тогда перейдем к делу! С первым пунктом, я полагаю, мы закончили. Закрываем двери. Второй пункт: командировочные расходы на совместных операциях, ордера на иностранной территории по запросу неассоциированных правительств. Арбитраж по возмещению затрат среди стран-участниц – обычно он осуществлялся ситуативно, но после прошлогодней забастовки австрийских служащих госсектора стала очевидна необходимость формально выверенной процедуры...

Следующий час обходится без особых происшествий. По сути, мы обсуждаем бюрократические механизмы, чтобы европейские спецслужбы не наступали друг другу на ноги, работая на чужой территории. Предлагается разрешить агентам требовать возмещения затрат на чистку, когда дела другой страны-участницы решены и переданы наверх для утверждения. Выдвигаются идеи по стандартизации различных форматов удостоверений, которыми мы пользуемся, но в конце концов все они проваливаются, потому что удостоверения служат разным целям, а некоторые из них наделены силами, которые считаются совершенно противозаконными или просто аморальными в других юрисдикциях. Я делаю заметки на планшете и подумываю запустить «Сапера», но все-таки отказываюсь от этой мысли – а то еще засекут – и наконец полностью посвящаю себя отчаянной борьбе со сном, чтобы не захрапеть и не опозориться.

Я оглядываюсь и вижу, что за столом дела обстоят примерно так же. Все, кто не выступает и не записывает что-то, активно бьют баклуши, пялятся в окно, разглядывают других делегатов или тихо рисуют цветочки в подарочных блокнотах. Ах, умильные радости высокоуровневых переговоров. Я смотрю на Рамону и выясняю, что она из братства рисовальщиков: вычерчивает что-то черное и страшное в блокноте – геометрические линии, дуги, повторяющиеся узоры, которые самоподобно переходят друг в друга. Потом она косится на меня и демонстративно переворачивает страницу.

Я встряхиваюсь, нужно сосредоточиться. Мы уже добрались до четвертого пункта повестки дня и зарылись в детали управления программными ресурсами и предложения принять совместную систему лицензирования и ревизии, которую разрабатывает сторонняя компания – «TLA»... и тут я чуть не вскакиваю. Софи из Берлина убаюкивающим голосом рассказывает нам, какую процедуру придумали в Фауст-Фронте: до боли политкорректное сочетание открытых рыночных тендеров и закрытых аукционов, призванных оценить конкурентные предложения и выбрать лучшую из лучших систем для всеобщей имплементации.

– Простите, – говорю я, когда она делает короткую паузу, чтобы набрать в грудь воздуха, – это все отлично, но что вы скажете по поводу победившего предложения? Как я понимаю, этот процесс в целом уже одобрили, – поспешно добавляю я, прежде чем она скажет, что это все, конечно, очень важно, но это уже детали.

– Кхм, но, Роберт, это все необходимо для правильного понимания инфраструктуры, ориентированной на процесс. – Она смотрит на меня поверх очков и поглаживает грозную стопку бумаг. – У меня здесь полная документация по предварительному анализу системы!

Ударение она ставит только на последнее слово, так что получается какая-то семантическая икота. Прямо как у плохо написанного синтезатора речи.

– Да, но что она делает? – вклинивается Рамона, наклоняясь вперед.

Это ее первые слова с того момента, как я ее представил, и вдруг она снова оказывается в центре внимания.

– Простите, если все присутствующие это уже понимают, но... – говорит она и замолкает.

Софи замирает на несколько секунд, как робот, которому загружают новые инструкции.

– Если позволите, я все объясню. Разработчики подготовили презентацию, которую мы планировали показать после перерыва.

Ой-ой, думаю я, когда у меня в голове проносятся ужасы и муки обычной послеобеденной снесты на заседании. Потушите лишний свет, прогрейте помещение, а потом поставьте какого-нибудь придурка уныло нудить под презентацию в PowerPoint, – я вам уже говорил, как ненавижу PowerPoint? – а ты знай борись со сном.

Потом я моргаю и замечаю косой взгляд Рамоны. Опять ой-ой. Что происходит?

К счастью, скоро приходит время перерыва – является в облике оставленной у дверей зала тележки с сэндвичами и ветчиной. Софи принимает вынужденную паузу с хорошей миной, а мы все встаем и идем за едой – все, кроме Рамоны. Набивая рот тунцом с огурцами, я перехватываю озабоченный взгляд Франца.

– Вы не голодны? – тихо спрашивает он у нее.

Рамона обворожительно улыбается ему.

– Я на специальной диете.

– Ах, простите.

Она изящно кивает:

– Все в порядке, я прекрасно поужинала вчера вечером.

«Не смей», – молча думаю я в ее сторону.

«Ты скучный, обезьяныш», – хмурится в ответ Рамона.

В конце концов все возвращаются за стол. Анна возится с пультом, чтобы опустить жалюзи, и наконец умудряется отрезать нас от дневного света.

– Отлично! – удовлетворенно восклицает она. – Пожалуйста, Софи, продолжайте...

– Danke, – Софи подключает к своему ноутбуку кабель от проектора. – Gut. Сейчас, одну минутку...

Вот есть что-то в этих презентациях в PowerPoint, от чего люди засыпают. Снотворный эффект особенно силен после еды, а Софи явно не хватает личной харизмы, чтобы преодолеть убаюкивающий прибор пастельных тонов и плавно перетекающих друг в друга слайдов и привлечь наше внимание. Я откидываюсь на спинку кресла и устало смотрю. «TLA GmbH» – дочерняя компания корпорации «TLA» Эллиса Биллингтона. Эти ребята делают для Черной комнаты то же, что «Кинетик» делает – точнее, делала – для британского министерства обороны. Нам показывают рекламный ролик интегрированной системы, которая представляет собой экспортный – то есть говорящий по-испански, по-французски и по-немецки – вариант большой программы, которую они написали для безликого начальства Рамоны. «Так что же тогда здесь делает Рамона? – думаю я. – Им ведь это все уже должно быть известно. Проснись, Боб!» У меня живот набит тунцом с майонезом и копченой лососиной и весит будто четверть

тонны. Солнечный свет пробивается через жалюзи, греет тыльную сторону ладоней, безвольно лежащих на столе. Не то чтобы я обожал поговорить после обеда про системы управления активами. «Боб, сосредоточься на причине! Рамоны тут быть не должно, – вяло думаю я. – Зачем она здесь? Все это как-то связано с программой Биллингтона».

«Боб! Немедленно соберись!»

Я резко вскидываюсь, будто кто-то меня ткнул острой палкой в задницу. Резкий и строгий голос у меня в голове принадлежит Рамоне. Я оглядываюсь, но все остальные за столом дремлют или клюют носом под ритмичный бубнеж Софи – все, кроме Рамоны, которая перехватывает мой взгляд. Она начеку и ждет чего-то.

«Что происходит?» – спрашиваю я.

«Мы на слайде двадцать четыре, – отвечает Рамона. – Что бы ни произошло дальше, это будет между слайдами двадцать шесть и двадцать восемь».

«Что?..»

«Мы не всеведущи, Боб. Просто почуяли, что... ага, двадцать пятый».

Я бросаю взгляд на дальний конец стола. Софи стоит рядом с проектором и ноутбуком и слегка покачивается, точно кукла в невидимой великанской руке.

– ...развертка баланса активов за четырехлетний период представляет лучшую оптимизацию для процессов закупок, основанную на обслуживаемом дополнительной нейросетью модуле байесовской регуляции рабочей нагрузки, которая позволит вам управлять своим набором хостов и обеспечивать стабильный оборот наличных средств...

И тут вдруг мне все становится ясно: эти сволочи пытаются промыть мозги всему комитету!

Виноват, разумеется, PowerPoint. Гипнотизирующая смена слайда, появляется список с общей экономией средств и круговая диаграмма, из которой выдвинут ярко-зеленый сегмент – ах, вы только посмотрите, он трехмерный, рядом ступенчатая диаграмма с какими-то другими показателями, – а на фоне желтыми линиями по белому выведено что-то похожее на логотип «TLA», с которого началась презентация: глаз, висящий в тетраэдрическом парадоксе Эшера, и диаграмма вроде той, которую чертила у себя в блокноте Рамона... Я хватаю планшет и давлю на кнопку, стараясь унять дрожь в руках.

Скринсейвер. Скринсейвер. Я выхватываю стилус и торопливо вызываю панель управления, а оттуда – хранитель экрана. Ничего лучше ловца снов, который я запускал вчера на ночь, я сейчас придумать не могу.

Как только скринсейвер запускается, я поднимаю планшет, по экрану которого уже бегут гипнотические фиолетовые линии, и направляю его так, чтобы он оказался между мной и экраном.

«Умно, обезьяныш».

Рядом со мной в кресле покоится Франц. Его глаза закрыты, а изо рта бежит струйка слюны. Франсуа храпит лицом вниз на столе, Анна застыла во главе стола, не сводя остеклевшего взгляда с экрана. Я же тщательно на него не смотрю.

«Что они делают?» – спрашиваю я у Рамоны.

«Это мы и должны здесь узнать. Никто из тех, кто уже бывал на таких презентациях, ничего нам рассказать уже не смог».

«Что? Их убили?!»

«Нет, они просто настаивали, что нужно покупать продукты „TLA“. А, ну да, и души у них съели».

«Тебе-то откуда знать?»

«Они другие на вкус. Заткнись и готовься выдернуть кабель из проектора, когда я дам сигнал, хорошо?»

Софи снова нажимает на кнопку мыши, и свет в зале становится немного другим, значит, один слайд перешел в другой. Ее голос меняется, становится глубже, сильнее, приобретает смутно знакомые модуляции.

– Сегодня мы празднуем первую славную годовщину создания директив информационной очистки. Впервые в истории мы создали сад чистой идеологии, где каждый труженик может цвести в полной безопасности от противоречивых и беспорядочных истин...

Ловец снов передо мной сходит с ума.

«Я его уже видел! Это рекламный ролик „Эппл“ 1984 года, они позвали режиссером Ридли Скотта, чтобы сообщить о запуске серии компьютеров „Макинтош“. Самый дорогой рекламный ролик в истории продаж бежевых коробок выпендренщикам. Зачем он здесь?»

«Закон заражения, – напряженно отвечает Рамона. – Сильные образы подчинения противопоставлены мятежу, но скрытно указывают на подчинение, замаскированное под мятеж. Ты никогда не задумывался, почему у макбучников глаза становятся стеклянными, стоит заговорить про их коробки? Двадцать шестой слайд; у нас осталось примерно десять секунд...»

Я быстро соображаю, не вскочить ли прямо сейчас, чтобы выдернуть шнур питания. Я видел этот ролик столько раз, что мне не нужно видеть экран; это, наверное, самая знаменитая реклама в истории компьютерной индустрии.

– Унификация мыслей – более мощное оружие, чем любой флот или армия на земле. Мы – один народ с единой волей, единой решимостью, единой целью. Наши враги заболтают себя до смерти и погрязнут в собственных заблуждениях. Мы победим!

Остались считанные секунды. Женщина бежит к большому экрану перед залом с молотом в руках, чтобы метнуть его в лицо Большого Брата, – и я точно знаю, что будет, во что превратятся осколки в следующем кадре, когда передвигаю свой планшет, стараясь не коснуться экрана из закаленного стекла, поднимая его и переворачивая, пока музыка нарастает, предвзято, что в оригинальной рекламе было объявлением о выходе на рынок нового, революционного, типа компьютеров.

«Готов...»

Свет мигает, и в экран планшета между моим лицом и экраном проектора будто врезается грузовик. Это не физическая сила, но от этого не легче, если судить по едкому дыму из вентиляционных прорезей и тусклому свету из отделения для аккумулятора.

Я роняю планшет, прикрываю глаза одной рукой и прыгаю примерно в сторону задней части проектора. Приземляюсь на живот где-то посередине стола, хлопаю руками, пока не нащупываю несколько проводов, выдергиваю их, но все равно слишком боюсь открыть глаза, чтобы посмотреть, какие кабели схватил. Сзади кто-то кричит, кто-то плачет, кто-то издает неразборчивые стоны, как больное животное. А потом кто-то бьет меня по ребрам.

Я открываю глаза. Проектор погас, а Рамона сидит сверху на Софи из Фауст-Фронта – или той твари, которая управляет ее телом, – и размеренно колотит ее головой об пол. Потом я понимаю, что боль в боку чувствую не я, а Рамона – Софи отбивается. Я переворачиваюсь и оказываюсь рядом с Анной. Лицо у нее обвисло, как резиновая маска, а глаза мерцают в полумраке зала. Отчаянно дергаюсь, хватаюсь за край стола, подтягиваюсь и падаю ей на колени. Она тянется к моей голове, но сущность в ней еще не слишком хорошо умеет управлять человеческим телом, так что я снова переворачиваюсь, падаю задницей на пол (копчик мне завтра об этом напомнит) и кое-как поднимаюсь на ноги.

Размеренное заседание превращается в побоище, какое только и может произойти, если большинство членов международного комитета вдруг превратились в зомби-мозгоедов. К счастью, это не зомби в духе Сэма Рэйми, а всего лишь бюрократы среднего звена, которым инвизиционная геометрия Дхо-Нха (в данном случае – вставленная между двумя слайдами в презентации) просто отформатировала кору головного мозга, чтобы освободить место для каких-

то шептунов из иных измерений. Половина из них даже встать не может, а те, что уже с этим справились, еще не освоились со всем остальным.

«Ты с ней разобралась?» – спрашиваю я Рамону, пробираясь мимо Анны (которая сейчас отвлекает Франсуа тем, что грызет его левую руку) так, что чуть не опрокинул обломки своего планшета.

«Она отбивается!»

Меня подрезает чья-то нога, и на этот раз я успешно падаю – к счастью, на Софи. Софи смотрит на меня пустыми глазами и издает тихий звук, напоминающий стрекочущее мяуканье кошки, которой очень хочется свернуть шею какой-нибудь птичке.

«Сделай что-нибудь!» – ору я.

«Ладно».

Софи рывком вылетает из-под меня и пытается ухватить зубами за руку. Но ее уже ждет Рамона с автоматическим шприцом, которым и прибивает плечо Софи к полу.

«Открывай охранный круг, нужно отсюда уходить».

«Сейчас я...» Ах да, Рамона же гость. Я вскакиваю и бросаюсь к креслу Анны, хватаю деревянный молоток и стучу им по столу.

– Как последний выживший правомочный член комитета я единогласно назначаю себя председателем и закрываю это заседание. – Ко мне поворачиваются пять голов со светящимися зелеными червячками в глазах. – Конец уроков!

Я бегу к двери и сталкиваюсь с Рамоной, когда нажимаю на ручку.

«Есть?»

«Есть. Бери ее за другую руку, и пошли!»

Софи молча брыкается и вырывается, но мы с Рамоной вытаскиваем ее в коридор, и я рывком захлопываю за нами дверь. Щелкает замок, и Софи вдруг обмякает.

«Ой! – Я оглядываюсь. – Что за?..»

Рамона отпускает ее руку, и я чуть не падаю.

«Мда, вот так сюрприз, – говорит она, глядя на тело Софи, упавшее на ковер перед дверью. – Она мертва, Джим».

«Боб, – механически поправляю я. – В смысле „мертва“?»

«Я думаю, это кодирование типа „ампула с ядом“».

Меня подташнивает, голова кружится. Я прислоняюсь к стене.

«Нужно идти обратно! Остальные еще там. Можно его разорвать? В смысле, канал управления. Если это просто временный перехват...»

Рамона кривится и мрачно смотрит на меня:

«Может, хватит? Это не временный перехват, и мы ничего не можем для них сделать».

«Но она же умерла! Нужно что-то сделать! А они...»

«Они тоже мертвы. – Рамона с тревогой смотрит на меня. – Ты головой ударился, или что? Нет, я бы почувствовала. Ты просто психованный, да?»

«Мы могли их спасти! Ты знала, что произойдет! Ты могла нас предупредить! Но тебе же было так интересно узнать, что там в презентации... черт, нельзя было, что ли, просто украсть ее и самой отредактировать? Это же не в первый раз произошло?»

Она просто дает мне поорать с минуту, пока я не выдохнусь.

«Боб. Боб. Это произошло в первый раз. По крайней мере в первый раз хоть кто-то живым вышел с этой презентации».

«Господи! Так почему вы их дальше проводите? – Я понимаю, что начал размахивать руками, но остановиться не могу. Меня терзает мысль о том, что если бы я поддался первому импульсу и сразу выдернул шнур из проектора... – Это же убийство! Если вы им позволяете...»

«Мы не позволяем. Мой отдел. Но „TLA“ продает свои продукты за пределами США, Боб. Их покупают в Малайзии, в Казахстане и в Перу, в других местах, которых и на карте не

найдешь, если ты меня понимаешь. До нас доходили слухи. Мы видели часть... последствий. Но только теперь нам удалось выяснить причину. И на Софи Франк нас навели ваши ребята, кстати. Ваш Энди Ньюстром поднял флаг. Она странно себя вела последние несколько месяцев. Сюда прислали тебя, потому что, в отличие от Ньюстрома, ты подготовлен к операциям такого класса. Но больше никто серьезно не отнесся к нашим предупреждениям – только твоя контора и моя».

«А как же остальные?»

Рамона мрачно смотрит на меня:

«За это отвечает Эллис Биллингтон, Боб. Если бы он не выбрал такую жесткую рекламу, этого бы не произошло».

Она отворачивается и уходит, оставив меня одного дрожать в коридоре, а потом объясняться по поводу трупа на полу и полного зала зомби среднего звена.

4: Теперь ты в бизнес-классе

Мой вылет немного задерживается. Я провожу примерно восемь часов в ближайшем полицейском участке, где меня допрашивает один бумагомаратель из ГСА за другим. Поначалу мне кажется, что они собираются меня арестовать – прикончить гонца, который принес плохие вести, это расхожая забава в шпионских кругах, – но через несколько часов тон допроса меняется. Кто-то наверху явно взял ситуацию под контроль и решил облегчить мне дорогу.

– Вам лучше завтра же покинуть нашу страну, – с улыбкой говорит Герхардт из Франкфурта. – У нас потом еще будут вопросы к вам, но не сейчас. – Он качает головой. – Если вы случайно встретите госпожу Рандом, пожалуйста, передайте, что к ней у нас тоже есть ряд вопросов.

Молчаливый полицейский отвозит меня обратно в отель, где чистильщики ГСА уже заменили дверь в конференц-зал куском совершенно новой и глухой стены. Я держу лицо, проходя мимо нее, а потом отступаю в свою защищенную спальню и провожу бессонную ночь, задним умом пересматривая все свои действия. Но прошлое не просто не вернешь, его даже на гарантийный ремонт не принимают, так что рано утром я спускаюсь вниз, чтобы сесть в прокатный автомобиль.

В гараже меня ждет кошмар техподдержки. Пинки расхаживает туда-сюда с планшетной папкой и корчит из себя официальное лицо, а Брейн по локоть залез в кузов с тестером и мотком изоленды.

– Какого хрена? – вопрошаю я, опираясь плечом о бетонную колонну.

– Мы для тебя переделали этот смарт! – радостно заявляет Пинки. – Тебе нужно рассказать обо всех его особых приспособлениях.

Я протираю глаза:

– Послушайте, ребята, вчера меня пытались сожрать зомби-мозгоеды, а вечером мне лететь в Сен-Мартен. Сейчас неподходящее время, чтобы хвастаться мне своими новыми игрушками. Я хочу просто вернуться домой...

– Это невозможно, – мычит Брейн, зажимая во рту несколько грязных болтов, которые самым подозрительным образом выглядят так, будто их только что выкрутили из мотора.

– Энглтон нам приказал тебя не отпускать, пока ты не пройдешь инструктаж! – сообщает Пинки.

Спасения нет.

– Ладно, – зеваю я. – Закрути болты обратно, и я поеду.

– Загляни в багажник. Осторожно, не задень трубу! Хорошо. Теперь внимание, Боб. Мы установили под водительским сидением хост Bluetooth и перенастроили видеоплеер так, что теперь на нем запускается Linux. Периферийные экраны по пяти кардинальным точкам, пять граммов могильной пыли с бергамотовым маслом и языком саламандры в гнезде прикуривателя и полностью подключенный контур Ди-Гамильтона под корпусом кузова. Пока включено зажигание, ты защищен от попыток одержания. Если потребуется избавиться от зомби на пассажирском сиденье, просто нажми кнопку прикуривателя, и повалит волшебный дым. У тебя ведь есть мобильник? А на нем Bluetooth и Java? Отлично, я тебе перешлю утилиту. Запустишь ее, спаришь телефон с хабом машины – и потом просто набирай 6-6-6, чтобы она к тебе приехала, где бы ты ни оказался. Другая утилита позволяет удаленно запустить все магические меры безопасности в машине на случай, если кто-то туда заберется, чтобы устроить тебе сюрприз.

Я трясую головой, но она все равно кружится.

– Дым от зомби в прикуривателе, контур Ди-Гамильтона под корпусом и машина приедет, когда я ее вызову. О'кей. А что это?..

Пинки бьет меня по руке, когда я тянусь к прямоугольному свертку, который примотан изолентой к переключателю передач.

– Эту кнопку не нажимай!

– Почему? Что будет, если я трону эту кнопку, Пинки?

– Машина катапультируется!

– Ты хотел сказать «пассажирское сиденье катапультируется»? – с сарказмом уточняю я, потому что уже устал от этого бреда.

– Нет, Боб. Ты слишком много триллеров смотрел. Машина катапультируется.

Он протягивает руку и похлопывает толстую трубу в центре багажного отделения.

Я сглатываю:

– А это ведь немного... опасно?

– Там, куда ты отправляешься, тебе пригодится любая помощь, – хмурится Пинки. – Внутри ракетный двигатель и моток кабеля, прибитые к шасси. Воздушные подушки надуются, когда акселерометр сочтет, что ты достиг апогея, если ты их еще не использовал в режиме водного преследования. Ни в коем случае не нажимай эту кнопку, если едешь по тоннелю или не хочешь разрушить свое прикрытие. – Я смотрю на бетонную крышу отельной парковки и вздрагиваю. – Воздушные подушки хорошо закреплены, если приземлишься на воду, сможешь просто уехать. – Он замечает мой скептический взгляд и снова похлопывает по трубе с двигателем. – Это все совершенно безопасно! Их на военные вертолеты уже пять лет ставят!

– Господи боже, – я закрываю глаза и выпрямляюсь. – Это же гребаный смарт! Их на ренджроверы вешают вместо спасательных шлюпок. Неужели нельзя было выдать мне что-нибудь приличное? «Астон-Мартин», например?

– С чего ты взял, что мы дали бы тебе «Астон-Мартин», даже если бы могли себе позволить такую машину? Кстати, Энглтон просил тебе напомнить, что он взят на прокат у одного из наших партнеров из частного сектора. Не поцарапай смарт, а то будешь отвечать перед корпорацией «Крайслер». Ты уже превысил расходную часть нашего бюджета, учитывая сторевавший на комитете «Компак». Кстати, новый ждет тебя в футляре в багажнике. Дело серьезное: ты будешь представлять Прачечную перед Черной комнатой и несколькими очень крупными подрядчиками минобороны, так что тебе нужен галстук и все дела.

– Я учился в средней школе Норт-Хэрроу, – устало сообщаю я, – нам не разрешали галстуки носить с тех пор, как мы попытались линчевать Зануду Брайана.

– Кхм. Понятно, – кивает Пинки и достает толстый конверт. – Твой маршрутный лист с момента прибытия в аэропорт Принцессы Юлианы. В торговом центре «Марина» есть приличный портной, мы уже отправили твои размеры. О! Ты застегиваешься на правую сторону или...

Я открываю глаза и смотрю на Пинки, пока он не замолкает.

– Восемь трупов, – говорю я и поднимаю соответствующее количество пальцев. – За двадцать четыре часа. И мне придется ехать по автобану на этой колыхаге?!

– Не придется, – говорит Брейн, который наконец выбрался из-под капота и вытирает руки тряпкой. – Нам нужно загрузить смарт в контейнер, чтобы завтра отправить его на Махобич. Ты поедешь с нами. – Он указывает на блестящий черный «мерседес», припаркованный напротив. – Так лучше?

Ого! Ну что ж, теперь-то меня не будут обгонять улитки на BMW. Иногда все-таки случаются чудеса, даже если работаешь в Прачечной.

– Поехали!

Большую часть дороги до Франкфурта я сплю. Мы опаздываем в аэропорт – неудивительно в свете последних событий, – но Пинки и Брейн извлекают какое-то официальное удостоверение из своего набора документов и выезжают прямо на взлетно-посадочную полосу через два ограждения и полицейский КПП. Затем они вручают мне кейс и высаживают у трапа,

который ведет в самолет компании «Lufthansa», вылетающий в парижский аэропорт Шарля де Голля, где меня ждет пересадка.

– Schnell!¹⁰ – приказывает мне встревоженная стюардесса. – Вы опаздываете. Проходите.

Спустя полтора часа и одну пересадку я сижу в бизнес-классе A300 «Air France», который летит в международный аэропорт Принцессы Юлианы. Половина мест в салоне свободна.

– Пожалуйста, пристегните ремни и ознакомьтесь с правилами поведения в самолете.

Когда за мной закрывают дверь, я, кажется, почти проваливаюсь в сон. А потом кто-то трясет меня за плечо: это стюардесса.

– Мистер Говард? Мне поручено передать вам, что на этом рейсе вам доступно подключение по Wi-Fi. Вам следует связаться со своим офисом, как только мы наберем высоту и погаснет индикатор «Пристегните ремни».

Я молча киваю. Wi-Fi? На тридцатилетнем туристическом корыте?

– Bon voyage!¹¹ – говорит она и уходит обратно в кабину. – Вызовите меня, если вам что-нибудь понадобится.

Во время обычной предполетной тяготины я сплю и просыпаюсь, только когда двигатели начинают реветь и меня вжимает в спинку кресла. Я чувствую неестественную усталость, будто из меня вытекла вся жизнь, и у меня возникает стойкое чувство, будто кто-то другой спит в пустом кресле рядом со мной, так близко, что может положить голову мне на плечо, – но в кресле никого нет. Опять утечка от Рамоны? А потом глаза у меня закрываются.

Наверное, дело в перепадах давления, потрясениях последних дней или наркотиках в бокале шампанского после взлета, но мне снится совершенно удивительный сон. Я снова оказываюсь в конференц-зале в Дармштадте, жалюзи опущены, но вместо комитета зомби я сижу через стол от Энглтона. Он и в лучшие времена кажется почти мумией, пока не заглянешь ему в глаза – алмазно-голубые и острые, как бормашина. Сейчас только их я и вижу, потому что его лицо тонет в тени старомодного проектора, луч которого падает на стену у него за спиной. Общий вид зловещий. Я оглядываюсь через плечо, гадая, куда пропала Рамона, но ее здесь нет.

– Внимание, Боб. Поскольку во время предыдущего инструктажа ты имел неосторожность так зазеваться, что он самоуничтожился до того, как ты успел с ним ознакомиться, я прислал тебе новый.

Я открываю рот, но не могу сказать ни слова. Заклятые ревизоров. Я думаю, что так можно подавиться собственным языком, начинаю паниковать, но именно в этот миг мышцы расслабляются, и у меня получается закрыть рот. Энглтон замогильно улыбается:

– Вот молодец.

Я пытаюсь сказать: «Засунь ты свой инструктаж...», но выходит только: «Заканчивайте мой инструктаж». Похоже, говорить мне можно, но только по заданной теме.

– Да, конечно. Я уже приводил историю корабля «Гломар Эксплорер» и операций ДЖЕННИФЕР и АЗОРЫ. Но я не сказал (и это только для твоих снов и только для твоих глаз, особенно когда проснется Рамона), что ДЖЕННИФЕР и АЗОРЫ – это прикрытие. Учебный заход, практическая проверка. Прощупывание возможности добывать артефакты с океанского дна в зонах, переданных человечеством СИНЕМУ АИДУ, то есть Глубоководным, по условиям Договора о бентосе и Азорского соглашения.

Энглтон замолкает, чтобы выпить глоток воды из стакана на столе. Затем он нажимает кнопку на проекторе, чтобы сменить слайд. Щелк-щелк.

– Это карта мира, в котором мы живем, – объясняет Энглтон. – А эти розовые участки – зоны, в которых разрешено действовать человечеству. Это наши резервации, если угодно. Засушливые, окутанные воздухом континенты и болезненно светлые верхние слои океана с

¹⁰ Быстро! (Нем.) – Прим. пер.

¹¹ Счастливого пути! (Фр.) – Прим. пер.

их невыносимо низким давлением. Около тридцати четырех процентов поверхности планеты. Остальное – это территория Глубоководных, над которой нам позволено проплывать, но не более того. Попытки заселения глубин океана встретят такое сопротивление, что наш вид даже не успеет пожалеть о содеянном.

Я облизываю губы:

– Но как? У них что, есть какое-то ядерное оружие?

– Намного хуже, – без улыбки отвечает он. Щелк-щелк. – Это гряда Кумбре-Вьеха на острове Пальма. Один из семидесяти трех вулканов или гор, расположенных в глубинах – остальные скрыты под водой, и мы не думаем о них как о горах – и подготовленных СИНИМ АИДОМ. Три четверти человечества живет не дальше двухсот миль от морского побережья. Если Глубоководные когда-нибудь потеряют терпение, они могут вызвать подводные оползни. С одной только гряды Кумбре-Вьеха на дно Северной Атлантики может сойти около пятисот миллиардов тонн камня, и, когда порожденное в результате этого цунами доберется до Нью-Йорка, волна достигнет высоты в двадцать метров. И, соответственно, пятьдесят метров, когда она дойдет до Саутгемптона. Если мы их спровоцируем, они могут принести больше разрушений, чем ядерная война. И они обитали на этой планете задолго до того, как наши предки-гоминиды научились пользоваться огнем.

– Но у нас же есть какое-то средство устрашения, сдерживающий фактор?..

– Нет, – с неумолимой твердостью отвечает Энглтон. – Вода поглощает энергию ядерного взрыва намного лучше воздуха. Поднимается мощная волна гидроудара, но почти никаких повреждений от жара или радиации: гидроудар отлично подходит для того, чтобы крушить подводные лодки, но куда менее эффективен против глубоководных организмов в их привычной среде. Мы можем доставить им неприятности, но и близко не такие, какие они могут обрушить на нас. Что же до остального... – Он указывает на экран. – Если бы они захотели, они могли бы стереть нас с лица земли прежде, чем мы вообще узнали об их существовании. У них есть доступ к технологиям и орудиям, о которых мы еще только начинаем догадываться. Это Глубоководные, СИНИЙ АИД, ответвление древней и могущественной инопланетной цивилизации. Некоторые из нас полагают, что угроза цунами – это лишь отвлекающий маневр. Будто пехотинец направляет винтовку со штыком на охотника за головами, а дикарь видит лишь стальной наконечник на палке. Даже не думай им угрожать: мы существуем только потому, что они не желают нам зла, но мы вполне можем это изменить, если поведем себя опрометчиво.

– Так за каким же чертом тогда устроили операцию ДЖЕННИФЕР?

Щелк-щелк.

– Это была неблагоприятная попытка закончить Холодную войну досрочно: добыть оружие с совершенно чудовищным потенциалом. Его природу тебе сейчас знать не нужно, если ты вдруг собираешься об этом спросить.

На экране открывается сумрачная серая равнина. Только через несколько секунд я понимаю, что это дно океана. Среди илистых отложений видны мелкие предметы – некоторые круглые, другие вытянутые. Еще через несколько секунд мой мозг осознает, на что именно смотрят глаза – черепа, кости и ребра. У меня создается впечатление, что не все они выглядят человеческими.

– Карибское море хранит много секретов. Под всем этим илом скрывается слой, богатый гидратами метана. Когда некая сила дестабилизирует эти залежи, они поднимаются со дна гигантским пузырем – как углекислый газ из застойных вод озера Ньос в Камеруне. Но в отличие от озера Ньос, газ не сдерживает ландшафт, так что он рассеивается, когда выходит на поверхность. И дело не в том, что все задохнется. Если ты на корабле, который окажется над таким пузырем гидратов метана, море под килем вдруг превратится в газ, и ты полетишь прямо в рундук Дейви Джонса.

Энглтон откашливается.

– СИНИЙ АИД умеет каким-то образом заново наполнять такие резервуары и провоцировать выбросы. Таким образом они не пускают нас, любопытных гоминидов, к вещам, которые нас не касаются, в частности к поселению у Ведьминой Ямы в Северном море... и в глубинах Бермудского треугольника.

Я сглатываю.

– А что там?

– Одни из самых глубоких океанических желобов на планете. И одни из самых крупных построек СИНЕГО АИДА, о которых нам известно.

У Энглтона такое лицо, будто он откусил кусок лимона вместо апельсина.

– Но это ни о чем не говорит: по большей части их города нам известны только благодаря нейтринной картографии и сейсмологии. Мы понимаем только ту часть биосферы, которая локализована на континентах и в верхних слоях океана, мальчик мой. На глубине тысячи фатомов, не говоря уж о безднах ниже границы Мохоровичича, идет совершенно другая игра.

– Мохоро... что?

– Нижняя граница континентальных плит, на которых мы обитаем, – под ней лежат верхние слои мантии. Ты в школе географию не учил?

– Кхм...

В школе на географии я либо спал, либо рисовал воображаемые континенты на обложке тетради, а также набирался храбрости, чтобы передать записку Лиззи Грэм, которая сидела за соседней партой. Кажется, теперь придется за это расплачиваться.

– Так, давайте проверим, что я все правильно понял. Эллис Биллингтон купил шпионский корабль ЦРУ, который построили специально, чтобы сунуть нос на территорию СИНЕГО АИДА. У него достаточный уровень допуска, чтобы знать, на что способно это судно, а его люди пытаются оболванить разные разведки мира, как в Дармштадте. Он разыгрывает эндшпиль, вам не нравится, чем это пахнет, Черная комната тоже не в восторге, поэтому вы посылаете меня и Рамону. Пока все верно?

Энглтон чинно кивает:

– Должен напомнить, что Биллингтон неимоверно богат и имеет интересы в поразительном числе предприятий. К примеру, через теперешнюю жену – уже третью – он владеет косметической и модной империей; кроме компьютерных компаний, у него есть интересы в грузоперевозках, авиации и финансовых организациях. Ваше с Рамоной задание – подобраться поближе к Биллингтону. В идеале ты должен добиться приглашения на борт его яхты, «Мабузе», а Рамона останется на связи с твоей группой поддержки и главой местного разведпункта. Техническую поддержку будут осуществлять Пинки и Брейн, силовую – Борис. Также тебе следует выйти на связь с главой нашего разведпункта на Карибах, Джеком Гриффином. Официально он старше тебя по званию, и ты должен исполнять его приказы, когда дело не касается операции, но отчитываешься ты непосредственно мне, а не ему. Неофициально Гриффину давно пора на пенсию: ко всему, что он говорит, относись с долей сомнения. Твоя задача – подобраться к Биллингтону, поддерживать с нами связь и действовать, когда мы решим, что пора его остановить.

Я с трудом сдерживаю стон.

– А почему пробираться на яхту нужно мне, а не Рамоне? Мне кажется, она в полевых условиях покажет себя намного лучше. Или вот этот начальник разведпункта? Да и вообще, почему этим не занимается ОСРБ? Это их территория...

– Голландцы пригласили нас. Все, что я могу сказать на данный момент: у нас есть специальный опыт в таких вещах, которого им не хватает. И на яхту должен попасть ты, а не Рамона. Во-первых, ты автоном, родом из этого континуума: тебя они не смогут сковать геометрией Дхо-Нха или привязать к призывному контуру. Во-вторых, именно ты, потому что таковы правила игры Биллингтона. – Выражение лица Энглтона меня пугает. – Он в игре, Боб. Он точно

знает, что делает и как обойти наши сильные стороны. Он не подходит близко к материкам, использует теорию вероятности для определения своих действий, спит в клетке Фарадея на борту корабля, киль которого окован серебром. Он заставляет нас играть по своему сценарию. Я не могу тебе раскрыть, в чем он заключается, но на яхту должен попасть ты, а не Рамона или кто-то другой.

– А мы хоть примерно представляем, что он задумал? Вы что-то говорили про оружие...

Энглтон останавливает меня стальным взглядом:

– Внимание, Боб. Сейчас начнется презентация.

И на этот раз я не могу сдержать стон, потому что начинается очередная серия слайдов, и будто недостаточно плох был PowerPoint – теперь мне предстоит час слушать монолог Энглтона над раскаленным допотопным проектором.

СЛАЙД 1: На фотографии изображены трое мужчин в пиджаках с огромными лацканами и широкими галстуками по моде середины семидесятых. Они стоят перед каким-то строением, возможно сборной конструкцией. У всех троих к нагрудному карману прикреплены бейджи.

– Слева я, остальных двоих тебе знать не нужно. Эта фотография была сделана в 1974-м, когда я представлял нашу организацию на операции АЗОРЫ – официально в качестве наблюдателя от МИ6, но ты сам все понимаешь. Здание, перед которым я стою...

СЛАЙД 2: Фотография сделана с носа и показывает палубу огромного корабля. Слева возвышается гигантская конструкция, похожая на нефтяную вышку, перед ней сложены штабелями трубы. Впереди, на корме, видно строение с прошлого слайда – там ошестинился антеннами на крыше мобильный офис, который установили на палубе. За ним видна спутниковая тарелка, закрывающая корабельные надстройки.

– Мы на борту «Гломар Эксплорера» во время его неудачного похода, призванного поднять со дна советскую баллистическую подлодку К-129. Он был известен под кодовым названием «операция ДЖЕННИФЕР», данные о которой потом слили в прессу по неофициальному приказу директора РУ ВМФ (проклятая внутренняя грызня), так что к середине 1975-го из нее раздули настоящий Уотергейт. Я сказал, что операция ДЖЕННИФЕР не увенчалась успехом. Официально ЦРУ удалось поднять только нос подлодки длиной около десяти метров, потому что задняя часть отломилась. На самом деле...

СЛАЙД 3: Зернистые черно-белые фотографии, очевидно снимки с телеэкранов: длинное веретено в когтях громадного захвата. Снизу к нему тянутся тонкие ростки.

– СИНИЙ АИД выразил недовольство по факту вторжения на свою территорию и принял решение воспользоваться своими правами на обломки согласно параграфу четыре пятой статьи Договора о бентосе. Поэтому явились щупальца. Теперь...

СЛАЙД 1 (повторно): На этот раз один из мужчин обведен красным маркером.

– Этот парень посередине – Эллис Биллингтон, каким он был тридцать лет назад. В те годы он был умен, но не слишком хорошо социализирован. Он был прикомандирован к группе Б в качестве наблюдателя, ему было поручено изучить устройство шифровальной машины, которую ЦРУ надеялось извлечь из рубки. Тогда я не обратил на него достаточно внимания – это была ошибка. В те годы у него уже был допуск, и после провала операции ДЖЕННИФЕР он перебрался в Сан-Хосе и основал небольшую фирму по разработке электроники и программного обеспечения.

СЛАЙД 4: Грубая монтажная плата. Она сделана не из стеклопластика, а из дерева, которое слишком долго пролежало в соленой воде и там покорибилось. Видны пазы для вакуумных трубок, в одном из них – обломок какого-то компонента; многочисленные диоды и резисторы подключены к нему золотыми проводниками по странной, звездообразной, схеме, которая занимает большую часть платы.

– Эта плата была снята со стандартного онейромантического устройства свертки (стандарт ГРУ модели 60), которое нашли на борту К-129. Как видишь, она слишком долго

пролежала в воде. Эллису удалось проанализировать и переконструировать базовую схему, выстроить топологию ложного вакуума, которую регулировали переключатели. Кстати, это не обычные вакуумные трубки – неустойчивость изотопов в легированных стеклянных патрубках указывает, что вакуум в них был создан в орбитальных условиях, вероятно, на борту Спутника-3, вроде того, который коммунисты запустили в 1960-м. Это давало стартовое давление примерно на шесть порядков чище, чем все, что в то время могли сконструировать, по цене примерно в два миллиона рублей за трубку. Это означает, что кому-то в научном отделе ГРУ очень хотелось получить здесь хорошую связь, если тебе это не очевидно. Теперь мы знаем, что они к тому времени уже явно разобрали тезис Ди-Тьюринга и углубились в анализ модифицированной енохианской метаграмматики. Как бы там ни было, молодой Биллингтон заключил, что ОУС-60, «Могильная пыль» в маркировке НАТО, предназначалась для общения с мертвыми. По меньшей мере с недавно умершими.

СЛАЙД 5: Открытый гроб с давно мертвым телом. Труп частично мумифицирован. Веки запали в пустые глазницы, челюсть отвисла, губы оттянуты.

– Мы не до конца уверены в том, что система «Могильная пыль» вообще делала на борту К-129. По одной из версий, в то время очень популярной у наших коллег из РУ ВМФ, она была связана с советской системой ответного запуска, которая бы позволила замполиту на подводной лодке получать приказы из Политбюро даже в случае успешного уничтожения всех его членов. Они тогда очень стремились всегда сохранять цепочку субординации. С этой гипотезой только одна проблема: это полная чушь. Согласно нашему последующему анализу (надо сказать, что Черная комната очень не хотела расставаться со схемой «Могильной пыли», так что мы ее получили только посредством дистанционного осмотра), Биллингтон недооценил дальность «Могильной пыли» как минимум в тысячу раз. Нам говорили, что позвонить можно будет только умершим недавно, примерно в течение пары миллионов секунд. На самом деле с этой платы можно запросто набрать Тутанхамона. Наиболее вероятное предположение заключается в том, что в Союзе хотели поговорить с чем-то, что умерло давным-давно и лежит где-то под океаном.

СЛАЙД 6: Советская подводная лодка стоит у пирса. Вдали видны снежные шапки гор.

– К моменту затопления К-129 уже была довольно стара. Через несколько лет СССР снял с вооружения эту модель подлодок – кроме одной сестры К-129, которую оставили для разведывательных целей. Вместительные ракетные отсеки РПКСН можно использовать для других грузов, а дизель-электрическая подлодка может бесшумно ходить в береговой зоне. За это их и любили: когда они переключались на аккумуляторы, они становились даже тише атомных подлодок, которые не могут отключить охлаждающие насосы реактора. Без задней части – в том числе ракетного отсека – мы можем только предполагать, что К-129 уже была перестроена для нужд разведки. Тем не менее...

СЛАЙД 7: Вид сверху на размытую серую пустошь. Посередине видна явственно искусственная конструкция: цилиндрическая тень, похожая на подводную лодку, но без башни, зато со странной, грубой конической насадкой. Корпус поврежден, но не смят, а взорван, будто от огромного внутреннего давления. Тем не менее в ней все равно легко опознается искусственная конструкция.

– Мы считаем, что вот это – истинная цель подлодки К-129. Она лежит на дне Тихого океана, примерно в шести сотнях морских миль от Гавайев и (совершенно неслучайно) точно по курсу, которым следовала К-129, прежде чем взрыв на борту привел к потере лодки и всего экипажа.

СЛАЙД 8: Не фотография, а раскрашенный рельеф дна тихоокеанского бассейна к юго-западу от Гавайев. Глубина передана контурами, а цвет передает какие-то другие параметры. В глубинах горят злобные красные точки, их нет только в одной, куда менее глубокой зоне.

– Гравислабые нейтринные спектрометры на борту спутника наблюдения SPAN-2 позволяют довольно точно локализовать колонии СИНЕГО АИДА. По очевидным причинам Глубоководные не слишком активно используют электричество в домашних и, вероятно, промышленных целях: синьор Вольта и мсье Ампер тебе не друзья, если живешь в соленой воде на глубине пяти километров. Насколько мы можем судить, СИНИЙ АИД умеет контролировать недостижимые конденсированные состояния вещества, изменяя постоянную тонкой структуры и туннелируя фотины – суперсимметричные аналоги фотонов, обладающие массой, – между узлами, когда им нужна энергия. Один из побочных эффектов такого метода – выбросы нейтрино в очень характерном спектре, отличном от того, который дают солнце или наши ядерные реакторы. Это результаты сканирования плотности в зоне вокруг К-129 и на Гавайях. Как видишь, вон то пустое пространство на небольшой глубине, где затонула К-129, довольно сильно выделяется. Там есть активный источник энергии, и, насколько мы можем судить, он не подключен к остальной сети СИНЕГО АИДА. Это место, кстати, засекречено и известно как Точка Один.

СЛАЙД 9: Скальная стена, видимо внутри шахты, освещена прожекторами. Рядом рабочие в касках и комбинезонах небольшими инструментами обрабатывают нечто – кажется, окаменелость.

– Как видишь, это не СИНИЙ АИД, а какой-то другой палеософонт. Эта фотография была сделана в 1985 году в Лонганнетской глубинной шахте в округе Файф, буквально у нас на пороге. Эту шахту (как и все остальные глубинные рудники в Британии) недавно закрыли по экономическим причинам. Тем не менее ты не ошибешься, если предположишь, что немаловажным фактором было и обнаружение подобных кошмаров. Это труп ГЛУБЬ СЕМЬ, который, видимо, после смерти подвергся процессу витрификации или, быть может, гибернации, из которой так и не смог проснуться примерно семь миллионов лет назад. Мы полагаем, что именно ГЛУБЬ СЕМЬ в ответе за создание машин ДЖЕННИФЕР МОРГ и нейтринную аномалию с предыдущего слайда. Мы очень мало знаем о ГЛУБЬ СЕМЬ, кроме того, что они, судя по всему, полиморфы, обитают в районе верхней коры в полярных регионах, а СИНИЙ АИД их до смерти боится.

СЛАЙД 10: Увеличенное изображение цилиндрической конструкции со слайда 7. Стены машины покрывают сложные узоры – то ли надпись, то ли контурная диаграмма, – жуткие в своей нелинейности. На краю картины видно коническое навершие, теперь можно разобрать детали: коническое острие, по которому спиралью идет режущая кромка.

– Это наша лучшая фотография Точки Один ДЖЕННИФЕР МОРГ. И сегодня она представляет явную угрозу: при ее осмотре затонула подлодка К-129, а также несколько подводных аппаратов на дистанционном управлении, посланных разведуправлением ВМФ США. Она же являлась вторичной целью операции АЗОРЫ/ДЖЕННИФЕР, прежде чем ей устроили Уотергейт. Цель труднодоступная, поскольку она, видимо, окружена неким защитным полем, вероятно акустическим: вся техника перестает работать, когда оказывается в радиусе 206 метров от объекта. (В верхней части фотографии ты можешь разглядеть обломки предыдущего аппарата-разведчика.) Текущая версия: это либо артефакт ГЛУБИ СЕМЬ, либо система СИНЕГО АИДА, предназначенная для защиты от вторжения ГЛУБИ СЕМЬ. Мы полагаем, что коммунисты пытались выйти на контакт с ГЛУБЬЮ СЕМЬ при помощи системы «Могильная пыль» на борту К-129 – и потерпели в этом сокрушительное поражение.

СЛАЙД 11: Такого же качества фотография другой машины, но уже менее поврежденной. Снимок сделан куда с более близкого расстояния; хотя в борту видна пробоина, корпус цел.

– Это схожий артефакт, который находится в северной части желоба Пуэрто-Рико, на глубине приблизительно четырех километров, на известняковом плато. Точка Два ДЖЕННИ-

ФЕР МОРГ выглядит поврежденной, но вокруг нее действует такое же защитное поле. Первичный осмотр при помощи ТНПА показал...

СЛАЙД 12: Очень тусклое, зернистое изображение зазубренного пролома в корпусе машины. Внутри просматривается прямоугольная конструкция. Ее окружают странные выгнутые предметы, некоторые из которых похожи на внутренние органы.

– Эта конструкция содержит витрифицированные или иначе сохраненные останки ГЛУБИ СЕМЬ – или даже состоит из них. Ты наверняка заметил, что она похожа на главную рубку: мы полагаем, что это бурильная машина для работы в глубокой коре или верхних слоях мантии, то есть, вероятно, для ГЛУБИ СЕМЬ это что-то вроде танка или скафандра. Мы не до конца уверены в том, что она здесь делает, но чрезвычайно заинтригованы интересом, который проявил к ней Эллис Биллингтон. Он купил «Эксплорер», серьезным образом его переоборудовал и сделал центром управления, из которого руководил дистанционно управляемыми аппаратами, направленными на разведку. Наши данные по деятельности Биллингтона чрезвычайно неполны, но мы полагаем, что он собирается поднять на поверхность и, вероятно, активировать артефакт ГЛУБИ СЕМЬ. Его специальные знания по работе с системой «Могильная пыль» позволяют предположить, что он может попробовать получить информацию от мертвого представителя ГЛУБИ СЕМЬ на борту, а характер его действий указывает на то, что Биллингтон считает, что ему известно, что именно артефакт делает в этом месте. Я сейчас не собираюсь читать длинную лекцию о том, как и почему крайне опасно беспокоить хтонических существ – прошу прощения, ГЛУБЬ СЕМЬ – или ввязываться в геополитические разборки между ГЛУБЬЮ СЕМЬ и СИНИМ АИДОМ. Достаточно сказать, что сохранение коллективного нейтралитета нашего вида – важнейший приоритет для нашей службы, и из этого постулата тебе следует исходить в будущем. В целом твое задание заключается в том, чтобы подобраться к Биллингтону и выяснить, что он собирается делать с Точкой Два ДЖЕННИФЕР МОРГ. Затем ты должен доложить об этом нам, чтобы мы смогли решить, какие действия следует предпринять, чтобы он не взбесил СИНЕГО АИДА или ГЛУБЬ СЕМЬ. Если он разбудит спящий древний кошмар, мне придется рапортовать об этом личному секретарю и Объединенному наблюдательно-разведывательному комитету, чтобы они смогли изложить суть дела ЧАС ЗЕЛЕНЫЙ КОШМАР комитету КОБРА, который возглавляет премьер-министр, и я склонен полагать, что это им чрезвычайно не понравится. Британия полагается на тебя, Боб, так что попытайся не устроить бардак, как обычно.

Фигура Энглтона тает, сменяется более нормальным сном с примесью смутных ощущений беспокойного метания по огромной кровати в отеле. В конце концов я просыпаюсь и обнаруживаю, что фильм, который показывали во время полета, уже закончился и мы летим где-то в неведомой выси. Аэробус буравит чистое небо над Атлантикой, мчится над затонувшими галеонами Испанского Мэйна. Я потягиваюсь, пытаюсь размять затекшую шею и зеваю. А потом вывожу из режима сна свой ноутбук. Тут же начинает мигать иконка Скайпа – вы, мол, получили голосовое сообщение.

Голосовое сообщение? Ах, черт, да – в этом дивном новом мире даже на высоте сорока тысяч футов от Интернета нет спасенья. Я снова зеваю и подключаю наушники, пытаюсь стряхнуть ощущение далекого сна Рамоны. Смотрю на экран. Это Мо, и она тоже онлайн, поэтому я просто звоню ей.

– Боб?

Ее голос слегка потрескивает: сигнал идет на самолет по спутнику, так что время ожидания буквально заоблачное.

– Мо, я в самолете. Ты в Городе?

– Я в Городе, Боб. Завтра уезжаю. Слушай, ты вчера задал мне вопрос. Я немного поворошила записи, и эта история с фатумной запутанностью выглядит паршиво. Они это с тобой уже

сделали? Если нет, беги со всех ног. Вы начнете видеть общие сны, в довесок идет телепатия, но еще и утечка реальности – это куда хуже. Ты начнешь приобретать некоторые черты того, с кем вы запутаны, и наоборот. Если партнера убьют, ты, скорее всего, тоже упадешь замертво; если это состояние продлится больше пары недель, обменом мыслями дело не ограничится: ты можешь с ним слиться навсегда. Хорошая новость: запутанность можно разрушить одним довольно простым ритуалом. Плохая новость: для этого нужно соучастие обеих сторон. Если у тебя есть хоть какой-то другой выход...

– Поздно. Они все сделали вчера...

– Черт. Милый, когда же до тебя дойдет, что, если они тебя просят об особом одолжении, нужно бежать со всех...

– Мо.

– Боб?

– Я знаю... – У меня перехватывает дыхание, и на миг я замолкаю. – Я тебя люблю.

– Да, – ее голос еле слышен. – Я тоже тебя люблю...

Слышать это слишком больно.

– Она спит.

– Она.

– Демоница. – Я оглядываюсь по сторонам. В креслах передо мной никого нет, а сам я сижу прямо перед разделительной перегородкой между бизнес-классом и загонем для скота. – Рамона. Агент Черной комнаты. Я не...

Это слишком. Я пытаюсь придумать другой подход к теме.

– Она что-то тебе сделала? – говорит Мо таким холодным голосом, что того и гляди отморозит мне ухо.

– Нет, – отвечаю я и мысленно заканчиваю: «Пока нет». – Не подходи к ней, Мо. Это не ее вина. Она тут настолько же жертва, насколько и...

– Это чушь, милый. Передай ей от меня, что если она хотя бы подумает тебе навредить, я ей все кости переломлю...

– Мо! Прекрати! – говорю я и добавляю тише: – Даже не думай об этом. Ты не хочешь в это впутываться. Не надо. Подожди, пока все закончится, а потом мы вместе улетим в отпуск – подальше от всего этого.

Молчание. Я внутренне напрягаюсь, отчаянно надеюсь на лучшее. И наконец:

– Это твое решение, и я не могу тебя остановить. Но я тебя предупреждаю: не позволяй этим гадам тобой вертеть. Ты же знаешь, как они используют людей, как обошлись со мной. Не дай им и с тобой так поступить. – Вздых. – Так почему они отправили именно тебя?

Я сглатываю.

– Энглтон говорит, что я должен проникнуть внутрь, думаю, он хочет получить неблокируемый канал связи с полевым контролем. Ты его спрашивала, что это за...

– Еще нет. Держись, милый. Я здесь заканчиваю, завтра возвращаюсь в Лондон – и вытрясу все из Энглтона еще до заката. Куда он тебя отправляет? Кто в поддержке?

– Лечу в аэропорт Принцессы Юлианы на Сен-Мартене, останавливаюсь в отеле «Скай-Тауэр» в Махо-Бэй. Он поставил в поддержку Бориса, Пинки и Брейна... – И тут я вдруг понимаю, к чему были эти вопросы. Ну я и тормоз. – Послушай, только не пытайся...

– Я вылечу ближайшим рейсом, мне нужно только добраться домой, чтобы вытрясти копилочку. Скорее Ад замерзнет, чем я доверю твою шкуру этим...

– Не надо!

Ужасные видения уже встают из глубин моей покоренной психики. Мо вообще понимает, что значит то, что мы запутались с Рамоной? Страшно представить, что будет, если она это поймет и окажется с Рамоной на одном континенте. Мо – человек тактический. Она страстная, взрывная, способная находить нетривиальные решения, но если показать ей стену, она с

большой вероятностью просто проломит ее насквозь. Именно так она и оказалась в Прачечной: сбежала от Черной комнаты, только чтобы попасть в руки нашей конторе. Я ее очень люблю, но от мысли о том, что она явится в мой номер в отеле, а я буду стараться не касаться ее, пока нахожусь в этой дикой связи с Рамоной, пугает меня до чертиков. Это вам не какая-нибудь пошлая супружеская измена, да? Я ведь не сплю с Рамоной, да и на Мо не женат. Но достанется мне все равно по полной – и это еще если не учитывать мелкие отягчающие обстоятельства, вроде того что Рамона – телесное воплощение демонической сущности из другого пространственно-временного континуума, а Мо – могущественная чародейка.

– Тебя не слышно. Держись! Увидимся послезавтра!

Жужжание, а потом звонок прерывается. Некоторое время я тупо смотрю в экран. Затем сглатываю и нажимаю кнопку вызова стюардессы.

– Мне нужно выпить. Водка и апельсиновый сок со льдом. – А потом почему-то добавляю: – Встряхнуть.

Встряска мне пригодится.

Львиную долю оставшегося времени полета я целенаправленно пытаюсь напиться. Я знаю, что не стоит так поступать, если летишь в герметичной кабине: обезвоживание, похмелье будет хуже, но мне плевать.

Где-то рядом с Исландией просыпается Рамона, рычит на меня за то, что я загрязняю ей кору головного мозга своими коктейлями, но то ли я сумел забаррикадироваться от нее, то ли она решает дать мне выходной на плохое поведение. По пьяни я играю на планшете в «Quake», потом мне становится скучно, и я засыпаю, читая меморандум, описывающий мои обязанности по амортизации и списанию оборудования согласно правилам экономного расходования бюджетных средств на проведение полевых операций. Не хотелось бы оказаться на допросе у Ревизоров из-за неправильно заполненного бланка РТ-411/Е, но эта тягомотина наверняка окутана полем отупения, так что стоит мне посмотреть в текст, как веки закрываются, словно переборки.

Я просыпаюсь за полчаса до посадки. Голова раскалывается, на языке явно умерла какая-то особо нечистоплотная мышь. Сверкающая дуга Махо-Бич ограждена стеной отелей: море невероятно синее, как ошибочка в химической лаборатории. Спускаясь по трапу на бетонное полотно рядом с терминалом, я точно выхожу в раскаленную печь.

Половина пассажиров – пенсионеры, остальные – фанатики-серфингисты и полоумные аквалангисты, будто собравшиеся на кастинг в следующую серию «Спасателей Малибу». Штурмовой взвод похмельных чертиков носится вокруг на крошечных реактивных ранцах и отчаянно рубится в поло у меня на черепа резиновыми клюшками. Здесь два часа дня, около шести утра в Дармштадте, и я летел около двенадцати часов: деловой костюм, в котором я хожу с заседания в отеле «Рамада», кажется каким-то задубевшим, словно превратился в экзоскелет. Чувствую я себя, прямо скажем, дерьмово – так что я испытываю огромное облегчение, когда вижу на выходе жилистого старика с картонкой «ГОВАРД – СТОЛИЧНАЯ ПРАЧЕЧНАЯ».

Я иду к нему:

– Здравствуйте. Я Боб. А вы?..

Он разглядывает меня с головы до ног с таким видом, будто только что отодрал меня от своей подошвы. Я тоже к нему присматриваюсь. Ему около пятидесяти, он очень типичный англичанин – в позднеимперском, пропитанном джином стиле: легкий костюм, армейский галстук и блестящие от воска усы создают впечатление, что он только что вышел из фильма от «Merchant-Ivory».

– Мистер Говард, предъявите удостоверение.

– Ой.

Некоторое время я роюсь в карманах, наконец нахожу его и показываю. У него дергается щека.

– Хорошо. Я Гриффин. Следуйте за мной. – Он поворачивается и идет к выходу. – Вы опоздали.

Опоздал? Но я же только что прилетел! Я трусцой бегу за ним, пытаюсь не врезаться в какую-нибудь стену.

– А куда мы идем?

– В отель.

Я выхожу за ним на улицу, и Гриффин решительно поднимает руку. Рядом останавливается старый, но ухоженный «Jaguar XJ6», водитель выскакивает наружу, чтобы открыть дверь.

– Садись.

Я чуть не падаю на сиденье, но успеваю обхватить кейс руками, чтобы спасти ноутбук внутри. Гриффин захлопывает за мной дверцу, занимает пассажирское место впереди и звонко стучит по приборной доске:

– В «Скай-Тауэр»! Живо!

Я ничего не могу с собой поделать: глаза у меня закрываются. День выдался долгим, а сон на борту самолета не слишком меня освежил. Когда машина выезжает на недавно отремонтированную дорогу, голова у меня начинает кружиться. Здесь невыносимо жарко, несмотря на включенный на полную мощность кондиционер, и я просто вырубаясь. Буквально через несколько секунд (по крайней мере, мне так кажется) мы тормозим перед большой бетонной коробкой, и кто-то открывает дверцу с моей стороны.

– Давай вылезай!

Я моргаю и заставляю себя встать.

– Где мы?

– В отеле «Скай-Тауэр». Я заказал тебе номер и проверил его. Твоя команда будет работать на съемной вилле, когда прибудет. Там тоже все под контролем. Пошли.

Гриффин ведет меня мимо стойки администратора, мимо рекламного стенда, где две куколочки Барби раздают бесплатные пробники косметики, в лифт, а затем по очередному безликому гостиничному коридору, уставленному плетеными креслами. В конце концов мы оказываемся в комнате, которую какой-то корпоративный дизайнер подогнал под свое представление об отеле в тропиках: безликая пятизвездочная мебель плюс застекленная дверь на балкон, захваченный зеленью в вазонах. Под потолком лениво крутится вентилятор, но на жару это никакого эффекта не оказывает.

– Садись. Нет, не сюда. Сюда.

Я сажусь, подавляю зевоту и пытаюсь заставить себя сосредоточиться на Гриффине. Он то ли злится, то ли тревожится.

– Когда они должны прибыть, кстати? – спрашивает он.

– А они еще не прилетели? – уточняю я. – И, кстати, я бы хотел увидеть ваше удостоверение.

– Пф!

Его усы подергиваются, но Гриффин лезет в карман пиджака и достает то, что любой человек, который не ожидает увидеть наше удостоверение, примет за паспорт или водительские права. В воздухе чувствуется легкий запах серы.

– Значит, не знаешь.

– Чего не знаю?

Он пристально смотрит на меня, затем принимает решение.

– Они опаздывают, – ворчит он. – Полная белиберда. Джин-тоник или виски с содовой? Голова у меня по-прежнему раскалывается.

– А можно стакан воды? – с надеждой спрашиваю я.

– Пф! – снова фыркает он, затем подходит к мини-бару и открывает его, чтобы извлечь две бутылки и два стакана. В один наливает на два пальца джина, а второй ставит рядом с тоником.

– Прошу, – ворчит Гриффин.

Такого я не ждал от начальника разведпункта. По правде сказать, я и сам не знаю, чего следовало ждать, но древний «Ягуар», армейский галстук и джин среди бела дня – это точно не оно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.